

Свечочи Тьмы

Автор:

Татьяна Корсакова

Свечочи Тьмы

Татьяна Владимировна Корсакова

Свечная башня #2

Все прекрасно в усадьбе Горисветово! Отреставрированный дом, ухоженный парк, оранжерея с диковинными растениями, теннисные корты, конные прогулки. И апофеозом самобытности – Свечная башня, созданная по проекту гениального Августа Берга. Рай на земле!

Стараниями новых владельцев исполнилась мечта прежней хозяйки Агнии Горисветовой, больше века назад основавшей в усадьбе приют для одаренных сироток.

Сначала приют. Затем летний лагерь для талантливой молодежи. Нынче элитная загородная школа. Все для детей! Всегда для детей!

Вот только дети пропадают... Дети погибают... Дети теряют разум и богом данную искру... А темными грозовыми ночами на смотровой площадке Свечной башни вспыхивает ослепительно- яркое пламя. Легенда гласит, что так рождаются Свечочи. Легенда умалчивает о том, по чьей воле они приходят в этот мир и что забирают с собой, уходя.

Мирослава одна из тех талантливых и подающих надежды. И талант, и надежды, и память тринадцать лет назад отнял Свечной человек – неуловимый убийца, пособник самой тьмы. И вот спустя годы Свечной человек возвращается. В башне снова зажигается нездешний огонь. А взрослая Мирослава решает разобраться и с собственным прошлым, и с неизжитым страхом, и с затаившимся в усадьбе вековым злом.

Татьяна Корсакова

Светочи Тьмы

Самохин отпустил Мирославу и Фроста только на рассвете. Отпустить отпустил, но взял обещание, что никто из них не будет покидать Горисветово без его ведома. А в Свечную башню их больше не пустили. Мирослава порывалась вслед за Самохиным подняться на смотровую площадку, но он отмахнулся от нее, как от малого ребенка.

– Лестница в аварийном состоянии, Мирослава Сергеевна. Хватит мне и одного трупа.

Получилось резко, даже грубо, но она понимала, что это не со зла, что это такое весьма специфическое проявление заботы, поэтому не стала ни настаивать, ни обижаться.

Они с Фростом молча брели по утопающей в тумане парковой дорожке. Наверное, им нужно было поговорить, обсудить все, что с ними случилось. И этой ночью, и тринадцать лет назад. Но у Мирославы не хватило силы духа, начать этот разговор. Да и что она могла сказать, если воспоминания ее до сих пор обрывочны, а чувства обострены до предела?! И этими своими обостренными чувствами она понимала, что Фрост злится. Может быть злится, а может обижен. И это она – причина его злости и обиды. Может быть, не она нынешняя, но вполне возможно, она прежняя. Еехватило только на один невинный вопрос:

– Ты уедешь к себе?

Он ответил не сразу. Наверное, даже не расслышал того, что она сказала. Мирослава уже решила, что не станет переспрашивать, когда Фрост заговорил:

– Я пока останусь в Горисветово. У меня здесь есть апартаменты.

– Апартаменты?..

– Комната в административном крыле. Мы с тобой соседи, Мирослава. Почти как тринадцать лет назад.

Тринадцать лет назад? Это было странно и мало походило на правду.

Тринадцать лет назад была жива ее бабуля. Тринадцать лет назад она ночевала дома. Она – дома, а он – где? Как вообще он оказался в Горисветово тем летом? Это был безопасный вопрос, и она спросила.

– Откуда ты, Фрост? – Не повернулся язык назвать его Артемом. Может быть потому, что она всего лишь догадалась, кто он такой. Догадалась, но не вспомнила. – Как ты попал в лагерь? Вот что я имею в виду.

Он точно не был деревенским. Деревенских она знала. Галу, например. А от Артёма Морозова не осталось следа ни в ее памяти, ни в ее жизни.

– Из Перми. – Он усмехнулся какой-то горькой усмешкой. – У родителей тут поблизости была дача.

Мирослава знала этот дачный поселок. Именно там пару лет назад построил свой загородный дом Всеволод Мстиславович. Хорошее место, считай, элитное.

– Это было наше первое лето за городом. Я вообще-то не планировал никакого лагеря, но получилось так, что мой пермский преподаватель музыки узнал про Горисветово и составил мне протекцию. Собственно, это он уговорил Исаака Моисеевича позаниматься со мной. Вот так удачно все получилось.

Да уж, удачнее не придумаешь.

– Если ты жил с родителями на даче, то как ты мог быть моим соседом?

Спросить нужно было не это, спросить нужно было о том, что стало с его мечтой, но Мирослава не решилась. Или в глубине души уже сама все поняла про мечту? Это место убивало не только людей. Это место убивало еще и надежды. А он, прежде чем ответить, посмотрел на нее долгим недоуменным взглядом, словно она спросила что-то глупое.

– Нас с тобой оставили в лагере на одну ночь, Мира, – наконец сказал он.

– Какую ночь?..

– Ту ночь, когда мы с тобой нашли в башне Леху, – сказал он и ускорил шаг, давая понять, что разговор окончен.

Разговор окончен, вот только она ничего не поняла. Или, вернее сказать, не вспомнила...

– Один вопрос! – Не из тех она, кто сдается так просто. – Фрост?..

Он обернулся, посмотрел на нее в упор равнодушным, ничего не выражающим взглядом.

– Что было потом?

– Ты в самом деле не помнишь, Мира? – Взгляд его сделался сначала изумленным, а потом растерянным.

– Я не помню почти ничего, – отчеканила она. – Я не помню, но мне важно знать, что случилось потом.

– С кем?

Это был странный вопрос, настолько странный, что теперь растерялась уже сама Мирослава.

– Со мной. Что потом случилось со мной, Артем?

– Можешь звать меня Фростом, так будет проще.

– Хорошо, – она кивнула. – Так что случилось со мной, Фрост?

Какое-то время он просто молча на нее смотрел, а потом сказал:

– Я не знаю, Мирослава. Это был мой последний день в лагере. Родители забрали меня в Пермь.

Вот так, его забрали из лагеря, а на нее напал Свечной человек. Разошлись пути-дорожки...

Она больше ничего не стала спрашивать. Было очевидно, что ему неприятно вспоминать о случившемся тем летом. Ему было неприятно, а сама она просто не могла вспомнить. Такие дела...

Зато она могла кое-что узнать. Вот прямо сегодня, не откладывая ничего в долгий ящик! Для этого ей всего лишь нужно сделать над собой усилие, а еще нарушить обещание, данное старшему следователю Самохину.

С Фростом они расстались в коридоре.

– Где твоя комната? – спросила Мирослава. Из вежливости спросила – не из любопытства. Кажется, любопытство свое она уже утолила. По крайней мере, в той части, которая касалась их общего прошлого.

– Там, – Фрост указал подбородком на соседнюю дверь. Как так вышло, что она руководила школой и не знала, кто где живет? – Приходи в гости, если что.

Это он тоже сказал из вежливости. Было очевидно, что между ними больше ничего нет. Их общее прошлое умерло вместе с Лехой этой ночью.

Мысль была такой колючей и такой болезненной, что отвечать Мирослава ничего не стала, просто молча кивнула и открыла свою дверь. Оказавшись у себя, она первым делом проверила ванную комнату. Ожидаемо, все было в идеальном порядке: никакой воды на полу, никакой ведьмы. Галлюцинации хороши уже хотя бы тем, что не оставляют после себя беспорядка. Но когда все это закончится, нужно обязательно показаться специалисту. И теперь уже не психологу, каким бы модным и дорогим он не был, а психиатру.

Четверть часа Мирослава потратила на то, чтобы привести себя в порядок, а еще полчаса ушло на то, чтобы собраться с духом. В последний раз она была в своем деревенском доме сразу после бабушкиных похорон. С тех пор – никогда. Не могла себя заставить. Чего боялась? Может быть просто воспоминаний. А может быть боли от воспоминаний. Как бы то ни было, но время пришло. Прихватив с прикроватной тумбочки ключи от машины, она вышла из комнаты.

Мирославе повезло, по дороге к стоянке она никого не встретила. Ей еще придется объясняться и с шефом, и с Лисапетой и за случившееся ночью, и за вот это утреннее бегство, но это потом, а пока ей просто жизненно необходимо побыть наедине с самой собой. К деревне быстрее и проще было бы пойти пешком по дну оврага, но Мирослава побоялась. Кажется, она никогда больше не сможет спуститься в этот чертов овраг, не сумеет себя пересилить. Поэтому машина и объездной путь!

Их дом стоял на окраине. Это была не та окраина, что примыкала к оврагу, а другая. Чтобы добраться до дома, Мирославе нужно было пересечь всю деревню. В детстве этот путь казался ей очень длинным, а деревня огромной. Взросление разрушило магию. Путь был совсем короткий, а деревня уже не впечатляла размерами.

Дом не выглядел заброшенным. Наличники были выкрашены в нарядный белый цвет, в палисаднике зацвели первые хризантемы. Дом казался живым и жилым, но это было обманчивое впечатление. Мирослава исправно платила соседям, чтобы те содержали дом в надлежащем виде: проводили косметический ремонт, ухаживали за садом. Соседи думали, что она планирует рано или поздно дом продать, а она просто не знала, как с ним поступить, как поступить с памятью о бабуле.

У нее была запасная связка ключей, поэтому тревожить соседей не пришлось. Металлическая калитка открылась без скрипа, двор был аккуратно подметен, прохудившиеся ступени на крыльце заменили на новые, но так и не покрасили, и теперь они выделялись более светлым цветом. Прежде чем вставить ключ в замок, Мирослава сделала глубокий вдох. Показалось, что стоит только открыть дверь, как она услышит ворчливый бабушкин голос и почувствует запах смородинового варенья. Стоит только открыть эту дверь, как ее собьет с ног сквозняком мучительных воспоминаний. Ничего, она справится. Она и не с таким справлялась!

В свой отчий дом Мирослава вошла решительным шагом, как будто не бросила его на долгие годы. В ее отчем доме ничего не изменилось, разве что яркий и вкусный запах смородинового варенья сменил едва уловимый запах пыли и полироли. Захотелось вдруг крикнуть: «Бабуля, я пришла!» И ворваться на кухню, как в детстве.

Не крикнула и не ворвалась, минуя кухню, сразу прошла в комнату, служившую им обоим одновременно и гостиной, и рабочим кабинетом, и библиотекой. На какую-то долю секунды Мирослава испугалась, что за минувшие годы библиотеку могли разграбить, а потом ей сделалось смешно. Кому сейчас нужны книги? Нет, кому-то определенно нужны, но эти люди никогда не станут вламываться в бесхозный дом.

Мирослава остановилась перед книжным шкафом, пробежалась кончиками пальцев по пыльным корешкам. За домом следили, но в шкаф не заглядывали уже давным-давно. Она не стала перебирать книги, стоящие на открытых полках, присела на корточки, распахнула дверцы нижнего яруса. Здесь, вдали от посторонних глаз, бабуля держала все самое ценное, все то, что должно было перейти Мирославе по наследству. Оно перешло, а она не взяла.

Здесь, на нижних полках, лежали не только книги, но и семейные фотоальбомы. Кусочки ее прошлой счастливой жизни. Не из-за них ли она не забрала себе библиотеку, не из-за этих вот бумажных свидетельств того, что когда-то давным-давно у нее была счастливая и нормальная жизнь? Тогда не забрала, а сейчас непременно заберет! Вот и сумка у нее с собой есть, специально прихватила для этих целей!

Мирослава бережно сложила альбомы в дорожную сумку, уселась перед шкафом по-турецки, как в детстве. Помимо фотоальбомов, здесь хранились ее детские рисунки, аккуратно разложенные по картонным папкам с датами. Если верить датам, рисовать она начала в три года, а закончила в тринадцать.

Дальше шли книги. Те самые книги, ради которых она и решилась на эту вылазку. Книги нужно обязательно забрать, потому что это память! Не ее, а ее рода! И этим книгам не место на нижней полке шкафа, стоящего в заброшенном доме. Мирослава найдет им более подходящее место. Непременно найдет! А пока она должна найти еще кое-что.

Это тоже был альбом. Большой альбом, обтянутый кое-где истрепавшимся и потерявшим цвет синим бархатом. Это был альбом с набросками, чертежами и рисунками. Мирослава сразу догадалась, что рисунки сделаны разными людьми. Одни были четкими, резкими, в чем-то даже небрежными, но очевидно профессиональными. Над вторыми работали с трепетом и любовью. На первых были здания, элементы каких-то статуй. На вторых – в основном пейзажи и удивительные нездешние картины. Одни рисовал кто-то опытный, но уставший

от жизни, вторые – кто-то юный и верящий в чудеса. На первых стояла размашистая подпись, в которой отчетливо читалось «А. Берг», а вторые принадлежали какой-то Айви. Были тут и чертежи – четкие, выверенные до миллиметра, с непонятными техническими надписями. На них не было никаких подписей, но Мирослава и без того знала, кому они принадлежали. Это было ее наследие, крохотная крупица чуда, которое она по глупости едва не потеряла. Это была история ее рода в картинках, история, зародившаяся в Чернокаменске, на острове посреди озера. История, в которой было место и прекрасным принцессам с необычными звонкими, как ручеек именами, и благородным рыцарям, и даже драконам. Вот они все на одной картинке: дама, рыцарь и дракон! Вот маяк, похожий на рвущуюся к небу гигантскую змею. Наверное, из-за стен, сложенных из черного камня, издали похожего на чешую. Вот светлоглазая, высокосулая девушка удивительной красоты с белыми волосами и изящным медальоном в виде серебряной ласточки. Девушка стоит на утесе, у ног ее плещутся беспокойные волны, а мечтательный взгляд ее устремлен куда-то вдаль. И все та же размашистая подпись Августа Берга, и трогательная надпись «Наша Айви». Вот такая она – девушка, которая рисовала удивительные картины и прекрасные пейзажи.

А вот молодой человек лежит на траве, подперев голову рукой и улыбается той, что решила написать его портрет. На его запястье – железный браслет, а в чертах лица угадывается что-то невероятно знакомое. Под портретом надпись «Федя».

Их много – этих портретов и набросков, их нужно изучать, с ними нужно идти в Чернокаменский архив к Ивану, потому что это такой пласт, такая махина!

А пока вот он – великий и ужасный Август Берг! На первый взгляд, смешной толстяк, с редкими кудрями и нелепым шейным платком, а на второй – уже не смешной, а грустный. На этом портрете нет подписи, но руку Айви Мирослава уже узнает безошибочно.

А пока вот два портрета одной и той же женщины, высокой, худой, в строгом черном платье и вдовьем платке. На одном портрете, который рисовала Айви, женщина сдержанно улыбается, на втором, сделанном Бергом, смотрит на зрителя строго и очень серьезно. И этот второй портрет подписан так, что все сразу становится понятно. «Моя Евдокия» – вот так ее зовут. Вот так он ее называл. А на самой последней странице – та же женщина, но уже не живая. Она «как живая», но для Мирославы очевидно, что это не человек и даже не статуя,

это... надгробие. Это та память, которую позволил оставить себе Август Берг.

А дальше уже фотографии. Высокий и статный молодой мужчина, хрупкая женщина в изящном платье, маленькая девочка, невероятно похожая на Айви. На руках у женщины щекастый младенец, а у ног огромный дог. Вот и началась задокументированная ее, Мирославы, история, потому что вот этот щекастый младенец – это Федор Викторович Серов – ее пра-прадед. А высокий красавец – тот самый Виктор Серов, помощник и, надо думать, друг Августа Берга. Женщина – его жена, урожденная графиня Шумилина. А девочка... а про девочку бабушка не рассказывала. Как и про тех людей, чьи портреты всю жизнь бережно хранила в альбоме. Ничего, Мирослава все выяснит сама. Как же ей хочется все выяснить!

Оставалась последняя папка. Она не лежала с остальными, она словно специально была спрятана за кипой какой-то ненужной, даже неуместной здесь периодики. Мирослава заметила ее случайно, подцепила, вытащила на божий свет. Это была одна из тех папок, в которые бабуля складывала ее рисунки. Вот только на этой папке не было ни дат, ни надписей. Надписей не было, но содержимое точно было.

Мирослава была смелой, по крайней мере, считала себя такой, но, когда она развязывала завязки на этой безымянной папке, руки ее дрожали. И открыть ее она смогла не с первой попытки. Пришлось настраиваться, уговаривать себя, что ящик Пандоры надежно спрятан в комнате с ментальным бараклом, а здесь, в этой папке, нет ничего опасного. С уговорами и самообманом ничего не вышло, пришлось просто открыть папку...

От первого же рисунка ее сердце перестало биться. Потом оно останавливалось еще не раз, останавливалось, заставляя Мирославу почти умереть, и когда перед глазами уже темнело, срывалось в бешеный галоп.

Первый рисунок был сделан кем-то неопытным и неловким. Не Бергом и не Айви. Это была скорее схема, чем полноценный рисунок, но Свечная башня на ней узнавалась безошибочно. Подпись нашлась на обратной стороне. По-детски старательным почерком было выведено «Свечная башня. Л. Ступин» Фамилия показалась Мирославе смутно знакомой, но прошло несколько мгновений прежде, чем она поняла, что видела ее в архивных подборках газет. Леонид Ступин – тот самый воспитанник Агнии, ради которого Август Берг согласился приехать в Горисветово. Значит, задумка с башней и в самом деле была не

мастера Берга, а вот этого юного мальчика? Значит, Разумовский ошибся в своих предположениях? Или не ошибся? Потому что вот второй рисунок, уже куда более техничный и уверенный, с четко прорисованными деталями, с какими-то расчетами на полях. И это точно рука Августа Берга! Рисунок был подписан просто «Горисветовская башня». Чувствовалось, что рисовалась она не с натуры, а, как говорится, «из головы».

На третьем рисунке была клетка. Та самая гигантская клетка. Рисунок был сделан второпях, на клочке бумаги, но с указанием всех размеров. Снизу было написано все тем же старательным почерком: «Что это такое?» Поскольку набросок сохранился в бумагах, доставшихся ее предку от Августа Берга, можно было сделать вывод, что Берг вел переписку с Леонидом Ступиным.

Четвертый рисунок так же был сделан на клочке бумаги. Черная громада свечной башни и яркое пламя на смотровой площадке. Пламя с фитилем в виде человеческой фигуры. Наверное, рука Леонида дрогнула, когда он рисовал фигуру, потому что в том месте, где должна была быть голова, была дыра, прорванная острием карандаша. Никакой надписи под этим рисунком не было. Имелась лишь застывшая капля воска в самом углу. Мирослава осторожно поскребла каплю ногтем, понюхала. Запах был тот же – воск и горечь диких трав.

На пятом рисунке снова была Свечная башня, только уже изнутри, только уже с лежащим у подножья лестницы мальчиком. Мирослава вздрогнула, уронила листок. Это был ее рисунок. Она точно знала, что ее, но совсем не помнила, когда его нарисовала. И мальчик на рисунке был Лехой, в этом не было никакого сомнения. Когда-то она умела очень хорошо передавать детали. Значит, Фрост сказал правду, значит, они и в самом деле нашли Леху...

Мирослава ласково погладила мальчика на картинке, вытерла скатившуюся по щеке слезу и потянулась за следующим рисунком. Этот рисунок был самым обычным, хоть и сделанным в какой-то небрежной, истеричной даже манере. Но все равно это была ее рука и ее манера. И нарисовала она портрет дяди Мити. Когда нарисовала – большой вопрос. Дядя Митя смотрел на нее очень внимательно, даже требовательно. Лицо его было искажено то ли страхом, то ли болью, то ли яростью. А может и тем, и другим, и третьим. Все эмоции были так очевидны, потому что глаза его не были привычно защищены толстыми стеклами очков. А может потому, что нарисованный дядя Митя был моложе себя нынешнего. А может потому, что его плечо сжимала тонкая женская рука с

длинными пальцами. Сжимала, впиваясь острыми ногтями в грубую ткань ветровки. Волосы на загривке снова затрещали, а по позвоночнику побежал привычный уже холодок. Мирослава пригладила волосы, поднесла рисунок к глазам. Она прежняя, она маленькая, стерла эту женскую руку ластиком. Стерла в ярости, а может в страхе, но нажим карандаша был таким сильным, что рука все равно осталась на портрете, только сделалась едва заметной, призрачной. Мирослава отложила этот рисунок к просмотренным и потянулась за следующим.

На нем была нарисована Свечная башня. Этот рисунок был почти точной копией той картинки, что нарисовал Леонид Ступин. Та же рвущаяся в темное небо громада, тот же огонь на смотровой площадке с человеческой фигурой вместо фитиля. Рисунок был сделан в той же порывисто-истеричной манере, что и портрет дяди Мити. Те же размашистые, грубые линии, то же господство черного над белым, но, безусловно, это был ее рисунок. В этом у Мирославы не было никакого сомнения. Это как увидеть собственную подпись...

В папке оставался самый последний листок. Он лежал картинкой вниз, но нажим карандаша был такой силы, что рисунок проступал на бумаге, словно вены на человеческой коже. Мирослава сделала глубокий вдох и, так и не выдохнув, перевернула листок картинкой вверх. Перевернула, отшатнулась и зажала рот руками, чтобы не заорать в голос.

С рисунка на нее смотрела ведьма. Та самая ведьма из ее видений. Вместо кос у нее были змеи, вместо глаз черные дыры, с ее серого рубища стекала вода, а когтистыми птичьими лапами она тянулась к той, что посмела нарушить ее многолетний покой, к той, кто посмела с помощью простого карандаша призвать ее в этот мир...

Мирослава не знала, как долго она просидела на полу, прижавшись спиной к стене, обхватив голову руками. Не знала, сколько времени ей понадобилось на то, чтобы прийти в себя. Наверное, много, потому что в себя ее привел лишь настойчивый телефонный звонок. Звонил Всеволод Мстиславович. Шеф желал знать, куда она подевалась в такое сложное для школы время и когда, черт побери, планирует приступить к своим непосредственным обязанностям. У Мирославы хватило выдержки, чтобы пообещать вернуться в самое ближайшее время и оборвать шефа едва ли не на полуслове. У нее даже хватило выдержки и мужества, чтобы собрать с пола рассыпавшиеся листочки, сложить их в папку и запихнуть папку в сумку. Вот только на все остальное ее решительности не

хватило. Окружающий мир сделался черно-белым, как ее детские рисунки, словно бы кто-то невидимый только что высосал из него все краски. Из мира – краски, а из самой Мирославы – жизненную энергию.

Если бы не творящийся в Горисветово ужас, она уже сегодня записалась бы на прием к психиатру, но чувство долга гнало ее обратно в школу. Чувство долго и острое желание вспомнить все.

* * *

В Горисветово царили хаос и паника. На автостоянке Мирослава обнаружила с десяток дорогих авто, а в холле центрального корпуса толпились возбужденные и взволнованные родители. Наверное, те самые, что решили не забирать своих чадушек после первого убийства. Тогда решили не забирать, а теперь вдруг одумались. Всеволод Мстиславович был тут же – успокаивал, убеждал, обещал непременно со всем разобраться. Мирославу он встретил полным раздражения взглядом и этим же взглядом дал понять, что вот теперь, на этом критическом этапе, она уже не нужна, что с ней он разберется позже, когда решит более насущные проблемы. Мирославе подумалось, что насущные проблемы стали неразрешимыми уже в тот момент, как появились. Что разбираться с ними нужно было не сегодня и даже не в день самого первого убийства, а много лет назад. Свечная башня стала для этого места своего рода громоотводом. Вот только притягивал этот громоотвод не молнии, а зло. Чистейшее выкристаллизованное зло.

Мирослава не стала оставаться в холле, у нее были дела поважнее. И у нее были вопросы, на которые она рассчитывала получить ответы уже сейчас.

Дядя Митя оказался там, где и должен был быть – в конюшне. Под звуки льющегося из приемника блюза он задавал корм лошадям.

– Здравствуй, девочка, – сказал он, не оборачиваясь. И как только узнал о ее появлении?

– Здравствуй, дядя Митя. – Мирослава застыла в дверном проеме, не зная, как правильно поступить. – Мне нужно с тобой поговорить. Найдешь минутку?

– Для тебя, девочка, всегда и сколько угодно! – Он погладил Белоснежку по холке, поставил в проходе сумку с овсом, и направился к Мирославе. – Решила не принимать участия в том дурдоме? – Он очевидно намекал на визит родителей.

– Отстранили. – Мирослава пожала плечами.

– Почему ты сразу ко мне не пришла? – Дядя Митя вытер руки о джинсы, подошел вплотную. Его лицо, доброе и взволнованное, никак не походило на то, что она нарисовала тринадцать лет назад. – Бедный парень.

– У меня были кое-какие дела.

Так больно и так страшно подозревать самого близкого, самого родного, считай, единственного оставшегося у нее друга. Больно, но она должна знать правду!

...Они сидели на скамейке возле конюшни, между ними лежала открытая папка с рисунками.

– Где ты это взяла? – спросил дядя Митя, закуривая.

– Дома. Нашла в бабушкиных бумагах.

Он кивнул, глубоко затянулся сигаретой и спросил:

– Так что ты хочешь знать, Мира?

– Я хочу знать, что это за рисунки, и почему бабушка их спрятала.

– Я советовал сжечь. – Он выпустил почти идеальное колечко дыма. – Твой лечащий врач тоже.

– Какой врач?

– Психиатр. Ты нарисовала эти картины вскоре после своей... – он запнулся, а потом решительно продолжил: – Вскоре после своего возвращения.

– С того света?

– Да. Поначалу психиатр посчитал этот метод полезным. Регрессология. Слыхала, небось?

Еще бы она не слыхала! Всякий уважающий себя шизик знает, что такое регрессивный гипноз.

– Врач подумал, что вот это все, – дядя Митя кивнул на рисунки, – поможет тебе.

– Поможет в чем? Вспомнить, что со мной случилось до момента смерти?

– Я бы расширил список. – Он невесело усмехнулся. – До смерти и во время смерти.

– Охренеть! – Мирослава откинулась на спинку скамейки, на мгновение прикрыла глаза. – И что из меня вытянул этот ваш регрессолог-самоучка?

– Сначала вот это. – Дядя Митя взял в руки листок со своим портретом.

– Тебя?..

– Меня. В полиции надеялись, что ты сможешь нарисовать фоторобот своего убийцы, но у тебя ничего не получалось. Ты перестала рисовать, Мира, после того как...

– После того, как умерла?

– Да. Психиатр подумал, что образ убийцы можно вытащить из твоего подсознания, погрузив тебя в гипноз. Твоя бабушка была против, но ты настояла.

– Я?

– Да, ты хотела знать, кто тебя...

– Убил.

- Да.

- И я нарисовала тебя?

- Да. - Он снова усмехнулся.

- И что сказал психиатр?

- Психиатр сказал, что твое подсознание выдало не портрет твоего убийцы, а портрет твоего спасителя. Малый временной промежуток, огромный стресс для мозга при переходе «туда-обратно». Так он сказал.

Это было похоже на правду. Нет, это не могло быть ничем, кроме правды! Но оставался еще один вопрос, почему она нарисовала на плече дяди Мити ту страшную руку.

- А это? - Мирослава коснулась рисунка и тут же отдернула руку. - Что это было за твоим плечом? Кто это был?

- Мы долго размышляли над этим. Возможно, так твое подсознание представляло смерть. Могло такое быть? - Он посмотрел на нее очень внимательно.

- Наверное. - Она пока не знала, не была уверена. - А что было дальше, какой рисунок?

- Вот этот. - Дядя Митя положил на скамейку листок с нарисованным на нем Лехой. - Это же тот мальчик? Ваш с Артёмом друг, так?

- Да, это он. - Мирослава кивнула.

- Это было одно из твоих самых ярких воспоминаний незадолго до...

- До смерти! Дядя Митя, давайте называть вещи своими именами.

– Хорошо, до смерти. Этого мальчика нашли в Свечной башне у подножья лестницы. Знать об этом ты никак не могла. Если только...

– Если только не видела его там своими собственными глазами, – закончила она за него.

– Да. Мы с твоей бабушкой так и решили. Подумали, что ты могла это видеть.

– Я видела. Фрост... Артём говорит, что это мы нашли его первыми.

Дядя Митя не стал спрашивать, почему они не сообщили взрослым, и Мирослава была ему за это признательна. У нее все равно пока не было ответа на этот мучительный вопрос. Она могла лишь предположить, что они просто испугались...

– Вот это? – Она указал на третий рисунок с горящей башней.

– Тут сложно. Видеть такое в реальной жизни ты, ясное дело, не могла. Помню, тогда психиатр сказал, что мы ступаем на зыбкую почву предположений и догадок.

– Регрессия – это отчасти и о прошлых жизнях, так?

– Отчасти. А еще об особой настройке психики. Очень тонкой настройке, когда человек может видеть то, что не дано обычным людям.

– Я вижу вот это! – Мирослава сама не ожидала, что сорвется на крик, сорвется и почти в лицо швырнет дяде Мите самый последний рисунок. – Я до сих пор вижу вот это! О какой настройке психики ты ведешь речь?

Он не отшатнулся и не разозлился, он обнял Мирославу за плечи, погладил по голове, как в далеком детстве.

– Я схожу с ума, – сказала она шепотом. – Дядя Митя, у меня галлюцинации, а это значит, что я схожу с ума.

– Мира, – его голос тоже упал до шепота, – в своей жизни я не видел человека смелее, сильнее и разумнее тебя. А в своей жизни я повидал всякого. Можешь мне поверить, девочка. Ты не сходишь с ума.

– А что тогда? – Ему хотелось верить. Он был мудрым и добрым. Он был ее единственным другом.

– Я не знаю. Но это точно не сумасшествие.

– Тонкая настройка психики? – Она усмехнулась и слегка отстранилась, чтобы было легче взглянуть ему в глаза.

– Есть многое на свете, друг Горацио... – продекламировал он и тоже усмехнулся. – Ну что, девочка, я ответил на твои вопросы? Ты успокоилась?

– Да. – Мирослава кивнула.

Он снова посмотрел на нее очень внимательно и, кажется, недоверчиво, а потом вдруг спросил:

– Где ты видела эту... это существо? – Взгляд его скользнул по рисунку с ведьмой.

– Ты имеешь в виду, при каких обстоятельствах и в каком месте у меня случались галлюцинации?

– Если тебе больше нравится такая постановка вопроса.

– Мне не нравится, но я отвечу. – Мирослава снова сделала глубокий вдох. – Я видела ее дважды за последнюю неделю. И оба раза в своей ванной комнате. Смешно, правда?

– Нет. – Дядя Митя покачал головой. – А при каких обстоятельствах, можешь мне сказать?

– Только тебе и могу. – Она скрестила руки на груди. – Тебе и своему будущему психиатру. Первый раз я принимала ванну, и эта... это существо меня топило.

Кажется, топило. Я так испугалась, что плохо запомнила.

– А второй раз?

– А второй прошлой ночью. Оно уже само выбралось из моей ванны.

– Ванна была наполнена водой?

– Тогда мне показалось, что да, до краев. А когда глюк закончился, воды в ванне не оказалось. В отличие от прошлого раза.

– Было еще что-то?

Эх, была не была! Сгорел сарай, гори и хата! Так бы сказала бабуля. Она ведь уже призналась дяде Мите в собственном психическом нездоровье. Одним симптомом больше, одним меньше.

– Самый первый раз, ну, когда она меня топила, в ванне остались реальные следы. Мне потом несколько часов пришлось их оттирать.

– Какие следы?

– От воска. Обычный свечной воск с какой-то цветочной отдушкой. Дикость, да? Словно я принимала восковую ванну. Я принимала ванну, а эта... ведьма решила меня слегка притопить. Бывают же такие удивительно реалистичные глюки, да?

– Почему реалистичные? – спросил дядя Митя.

– Потому что воск в ванне я потом оттирала несколько часов.

– Да, нетипичная для галлюцинации ситуация, – сказал дядя Митя задумчиво.

– Мне тоже так кажется. Я уже думаю, может, выбросить эту ванну к чертовой матери! И плевать, что она особенная.

– А в чем заключается ее особенность?

– Она антикварная. Ну знаешь, такая на курьих лапах! То есть на самом деле лапы грифоньи. – Мирослава усмехнулась. – Но выглядят, как курьи. Я нашла эту красоту в подвале, она вся была вот в этом всем... В воске, дядя Митя! Ванна была в воске и чем-то черном, как... – Она замолчала.

– Как что? – спросил Дядя Митя, протирая уголком рубашки свои очки.

– Как клетка, которая на смотровой площадке башни. Клетка тоже испачкана. Ты ее вообще видел?

– Нет, не возникало желания подниматься по аварийной лестнице. – Он посмотрел на нее с укором. – И тебе, Мира, я бы тоже не советовал. Но ты ведь не прислушаешься к моим советам, да?

– Я там уже была. Как видишь, выжила. Но место темное. – Это словечко само сорвалось с языка. – Там такая аура... Там даже страшнее, чем в моей ванной! – Она коротко хохотнула. Теперь дядя Митя точно запишет ее в сумасшедшие. Ничего страшного, признание болезни – уже первый шаг к исцелению.

– Она тут такая везде, – сказал он очень тихо.

– Тут – это где? В Горисветово?

– Да. Не все это чувствуют, но такие, как ты...

– С тонкой душевной организацией?

– Да, люди с тонкой душевной организацией могут понять об этом месте куда больше остальных.

– А ты? Как у тебя дела с организацией? – Ей и в самом деле было очень интересно, что думает дядя Митя о происходящем.

– Ты спрашиваешь, из какой я когорты: физиков или лириков?

– Ну, вроде того. Так кто ты?

– Я физик, – сказал он, а потом добавил: – Сомневающийся физик.

– Видишь! – Мирослава хлопнула себя по обтянутым джинсами коленкам. – Ты хоть и сомневающийся, но нормальный, без прибабаха.

– Ты тоже без прибабаха, Мира.

– Хотелось бы в это верить, но пока что-то плохо получается. Ладно, дядя Митя! – Она решительно встала. – Спасибо тебе!

– За что? – Он тоже встал.

– За то, что выслушал все это. – Мирослава сгребла рисунки обратно в папку. – Мне полегчало, честное слово!

– Она не сможет тебе навредить, – сказал он, закуривая сигарету и прикрывая ладонью от ветра слабый огонек.

– Потому что она глюк?

– Потому что бояться нужно живых, а не мертвых, девочка.

– Резонно. Лёху с башни столкнул не призрак и не ведьма, а живой человек. – Она чуть не добавила «оба раза», но прикусила язык. – И детей убивает не призрак...

– Я переживаю за тебя, Мира. – Дядя Митя наконец управился с сигаретой. – Это место становится слишком опасным. Уезжай.

– Не могу. – Она и сама не знала, почему не может уехать, что держит ее в Горисветово. Но что-то держало крепко-накрепко. – Но обещаю, что буду осторожна.

Он ничего не ответил, лишь легонько коснулся ее плеча.

* * *

День выдался сумасшедшим. Впрочем, чего еще было ожидать? Второе убийство за несколько дней. И пусть убитый уже далеко не ребенок, и не задушен, как остальные жертвы, а сброшен с высоты, все равно Самохин шкурой чувствовал, что эти два убийства связаны. И между собой, и с этой чертовой усадьбой.

А усадьба всего за пару часов превратилась в растревоженный улей. Самохин очень надеялся, что к ночи в школе не останется ни одного ребенка. С серийными убийствами проще разбираться, когда не нужно переживать еще и за потенциальных жертв.

Терзало его и еще кое-что. То странное вещество, что нашли на дне и на прутьях гигантской птичьей клетки. Птичья клетка на смотровой площадке башни – само по себе любопытное явление, но вот это вещество... По предварительным данным это был воск. Воск и сажа. Точнее эксперт пообещал рассказать позже. Эксперт был заинтригован точно так же, как и сам Самохин. И надо сказать, такое с ним случалось крайне редко.

– Похоже на гигантскую жаровню, – сказал эксперт, стягивая медицинские перчатки.

– Ничего себе – предварительное заключение, – хмыкнул Самохин, но в памяти зашевелилось что-то такое-этакое. Что-то из области легенд, связанных с Горисветово. Словечко какое-то все вертелось, пока не всплыло наконец на поверхность.

Светоч! Вот что это было за словечко! В этой чертовой усадьбе был культ свечей и света. Светоч из той же оперы. Рассматривать его требовалось с фигуральной точки зрения. Светоч знаний – милота и благолепие! А если рассмотреть его буквально? Если светоч – это что-то осязаемое?

– Костерок тут раскладывали, что ли? – спросил он, сдвигая шляпу на затылок и потирая лоб.

– Или собирались разложить, – сказал эксперт мрачно.

- Ты про бензин? - Самохин начал понимать, куда он клонит.

Внизу, в развалах мусорного хлама, нашли пятилитровую пластиковую бутылку с бензином. Разумеется, бутылку тут же изъяли, обработали на предмет возможных отпечатков. Тогда не предали этой находке особого значения, а теперь вот задумались.

- Не только. - Эксперт сунул перчатки в карман, осмотрелся. - Я обнаружил такие же следы на одежде, подошвах и кожных покровах трупа. В частности, на ладонях. Уверен, мы найдем его отпечатки на прутьях клетки.

- Он осматривал клетку? - предположил Самохин. - Осматривал и испачкался в сажу?

Эксперт посмотрел на него с сомнением, а потом словно окончательно что-то для себя решив, сказал, понизив голос:

- Не для протокола, а в качестве рабочей гипотезы.

- Уяснил. - Самохин кивнул.

- Потерпевшего пытались запихнуть в клетку, а он сопротивлялся. Он ухватился за прутья вот тут и тут. - Эксперт указал на следы, которые Самохин сам бы ни за что не разглядел. - И уперся ногами, пока его толкали в спину. Следы сажи есть только на носках его кроссовок. Кстати, очень дорогих кроссовок. Я к таким больше года присматриваюсь. Да вот не по карману они мне.

- Он ими вроде как тормозил? - догадался Самохин.

- Вроде как, - эксперт кивнул.

- А зачем кому-то было нужно заталкивать бедолагу в клетку?

Эксперт посмотрел на него с высокомерным превосходством.

- А вот это ты мне скажи, Петр Иванович, зачем. Это уже твоя работа.

Не то чтобы Самохин так уж любил головоломки, но вызов принял и старательно, уже другим взглядом осмотрел площадку и клетку. Его внимание привлекли два кольца. Одно приваренное к дверце клетки, а второе – к ближайшему пруту. На черной саже, покрывающей кольца, были отчетливо видны свежие царапины.

– Здесь висел замок, – сказал он, ни к кому не обращаясь. – Замок, чтобы закрыть жертву в клетке...

Он снова потер лоб. За спиной послышался тонкий перезвон проволочных ангельских крыльев. Нет, не послышался, а почудился. С некоторых пор этот звук стал для Самохина знаком того, что он на верном пути.

– Наверное, убийца рассчитывал застать жертву врасплох, но та оказала сопротивление. Завязалась борьба, в результате которой парень упал с башни.

– А представь, что у убийцы получилось запереть жертву в клетке, – сказал эксперт и поежился, то ли от холода, то ли от собственных предположений. – А вспомни, что мы нашли бензин.

– Жаровня... – сказал Самохин и сам невольно поежился.

– Жаровня, – эксперт кивнул. – Причем, древняя. Я тут в золе и воске нашел кое-что любопытное. Фрагмент кости. Больше пока ничего не скажу, но не нравится мне все это, Петр Иванович. Ох, как не нравится!

– Останки человеческие? – Волосы на загривке встали дыбом. И теперь точно не от холода, а от ужаса. – Давность преступления тоже никак не определить?

– Если оно вообще было, это преступление. – Эксперт пожал плечами, шагнул к люку и ведущей вниз лестнице, чертыхнулся. – Как же я люблю свою работу! – сказал с досадой, а потом крикнул кому-то внизу: – Вы хоть подстрахуйте меня там! Я вам не высотник-монтажник!

– Но версия рабочая? – спросил Самохин, когда он уже наполовину скрылся в люке.

– Версия любопытная, – проворчал эксперт и с раздраженным кряхтением начал спускаться по лестнице.

А Самохин подумал, что на бутылке с бензином наверняка не найдут никаких отпечатков. А еще он подумал, что очень удобно носить перчатки. Хоть латексные, хоть лайковые. И объяснение уже заготовлено, и недуг продемонстрирован в самый первый день знакомства. Ловкий малый – этот патлатый айтишник. А он, старший следователь Самохин, полный дурак! Надо было сразу же осмотреть кожу и одежду этих двоих. Особенно перчаточки. Но кто ж тогда знал? А сейчас уже поздно, сто раз можно было и помыться, и одежды постирать, и перчаточки выбросить. И девчонку притащить в башню в качестве алиби!

Тренькнул мобильный, оповещая Самохина о приходе сообщения. На его электронную почту приходили только рабочие письма, с близкими он предпочитал общаться через мессенджеры. Это был ответ на его запрос, касающийся гражданина Дмитрия Леонидовича Елагина, Мирославиного спасителя. Когда Самохин отправлял этот запрос, за спиной у него тоже едва различимо звенели проволочные ангельские крылья. Наверное, потому он почти не удивился прочитанному. В Горисветово в тугой змеиный клубок затягивались события, судьбы и люди, а ему, старшему следователю Самохину, по всей видимости, предстояло стать тем, кто клубок этот распутает. Вот такая у него нынче миссия...

* * *

Тишина в Горисветово наступила ближе к вечеру. Разъехались родители, разобрали своих чадушек. Всех, без исключения! Не избежать теперь Всеволоду Мстиславовичу скандала, позора и глумления. А ей, Мирославе, увольнение. Она не уберегла, не защитила школу, позволила слухам просочиться за пределы усадьбы. Мало того, она сама посмела стать источником этих слухов. Она нашла на территории школы мертвое тело! А мертвое тело на территории – это совсем не то, что за территорией. Это на веки вечные испорченная репутация! Кто захочет отдать свою кровиночку в заведение, в котором орудовал убийца?! Даже если убийцу поймают, никто не захочет. Потому что черную ауру не смыть дезсредствами. Потому что черная аура – это нечто одновременно эфемерное и опасное...

Шефа Мирослава нашла в своем кабинете. В своем теперь уже бывшем кабинете. Он сидел за ее бывшим столом. На столе перед ним стояла бутылка виски и до краев наполненный бокал. Виски плескался и в мутном, полном ярости и отчаяния взгляде, который он устремил на вошедшую Мирославу.

– Ты меня разочаровала. – Несмотря на выпитое, голос его звучал ровно. – Я доверил тебе самое ценное, что было у моей семьи, а ты меня так разочаровала!

Мирослава не считала, что в случившемся была ее вина, поэтому не стала оправдываться. Черную ауру не отмыть, не замаскировать. И уж тем более в Горисветово не место детям. Никогда здесь не было места детям! Ни сто лет назад, ни тринадцать, ни сейчас.

– Родители имеют право знать правду, – сказала она, останавливаясь напротив стола. Можно было сесть в кресло для посетителей, но она не стала. Всеволод Мстиславович и так смотрел на нее сверху вниз. – Это разумно, что детей забрали.

– Разумно?! – Все-таки его голос сорвался на крик. – Самонадеянная девчонка! Ты не смеешь решать, что разумно, а что нет! Здесь я все решаю! Я – Всеволод Горисветов!

– В первую очередь мы должны думать о безопасности детей. – Мирослава не боялась. Легко быть бесстрашной, когда ты уже все для себя решила, когда в твоей жизни есть страхи куда хуже взбешенного босса.

– Ты вообще не должна была думать! Ты должна была... – Он осекся, в отчаянии махнул рукой. Похоже, он и сам не знал, как нужно было действовать в сложившихся обстоятельствах. Впервые в жизни не знал. – Ты даже представить себе не можешь, во сколько мне обходится содержание этой богадельни!

Мирослава представляла. Возможно, не в деталях, но в общих чертах понимала.

– Если школа не сможет работать, а она не сможет! – Всеволод Мстиславович опрокинул в себя виски, коротко рыкнул, вытер покрасневшее от злости лицо рукавом пиджака. – Моей компании придется тащить на себе этот бесполезный, смердящий труп.

Мирослава не сразу поняла, что трупом он называет Горисветово, а когда поняла, поежилась. Похоже, ее босс тоже чувствовал черную ауру этого места. Непонятно другое. Зачем в таком случае ему усадьба? Мирослава видела документы и договор аренды. Можно сказать, она знала страшную тайну семьи Горисветовых.

Усадьба не была собственностью и полноправным владением, она была взята у государства в долгосрочную аренду. Усадьба, прилегающая к ней территория и Свечная башня. Вот это все никогда по-настоящему не будет принадлежать ни Всеволоду Мстиславовичу, ни Славику. Утраченное наследие – вот, что это было на самом деле. Да и сами Горисветовы не были прямыми потомками той самой Агнии. У Агнии не было собственных детей, но у ее покойного мужа имелся племянник. Почти засохшая ветвь некогда славного рода с единственным чудом уцелевшим листком. Гонор и голубая кровь есть – денег нет. Вот так ситуация представлялась практичной Мирославе. А денег у Горисветовых не было. Об этом ей рассказывала бабуля. Бабуля знала все, считай, вела летопись. Записывать не записывала, но память имела крепкую, и многим делилась с Мирославой, пока та была еще ребенком, пока ей еще были интересны подобные истории.

Всеволод Мстиславович свои детство и юность провел не в Горисветово, а в деревне. Папенька его работал бухгалтером в местном сельсовете, со слов бабули, ничего из себя не представлял, но гонор имел непомерный и, приняв на грудь, любил рассказывать всем желающим о своей уникальной родословной. Наверное, единственному сыну тоже рассказывал, потому что Всеволод Мстиславович, тогда еще просто Севка, с юных лет носился со своей исключительностью. Был он умен и изворотлив, умнее и изворотливее всех своих сверстников. Потому, наверное, и планы перед собой ставил далекоидущие. Ставил и, надо сказать, достигал. Он единственный по-настоящему интересовался историей Горисветово. Бабушка рассказывала, что отдала ему все, что имелось в библиотечном архиве и касалось усадьбы. Тогда словосочетание «библиотечный архив» казалось Мирославе просто фигурой речи, а теперь она очень крепко задумалась. У бабули и в самом деле имелись бумаги, которым позавидовал бы и Чернокаменский архив. Бабуля любила и берегла историю. Выходит, любила и берегла она не только историю своего рода, но и рода Горисветовых. Вот бы увидеть сейчас те документы! Но просить Всеволода Мстиславовича бесполезно. Чтобы попросить, нужно сознаться в том, что она знает его маленькую тайну.

Сказать по правде, она не видела ничего криминального в том, что шеф оказался человеком, который сделал себя сам. Парень из глухой провинции без посторонней помощи получил сначала достойное образование, затем достойную работу, выбился в люди, как сказала бы бабуля. Мирослава и сама была такой, выбивалась в люди, рвала жилы и когти, чтобы стать лучше и умнее остальных. У нее и самой, оказывается, имелась родословная. В ее венах тоже, оказывается, текла толика голубой крови, но, в отличие от Всеволода Мстиславовича, у нее и в мыслях не было взять в долгосрочную аренду один из маяков, к проектированию которых приложил руку ее далекий предок.

Отчасти нежелание это было связано с полным отсутствием геральдических амбиций, отчасти с тем, что Мирослава прекрасно понимала, какую головную боль приносит владельцу аренда памятника культуры. Вот такого, например, как Свечная башня! Если сам жилой дом Всеволод Мстиславович мог отремонтировать и перестраивать по собственному желанию, то все вопросы, касающиеся башни, решались с превеликим трудом и проволочками. Самое интересное в сложившейся ситуации было не в нелюбви шефа к Свечной башне, а в том, что на момент продления договора аренды от башни можно было отказаться. Эту информацию Мирослава узнала все от того же Славика два года назад, когда Всеволод Мстиславович вдруг решил снова возродить Горисветово. Усадьбу отстроили и довольно успешно, а вот башня так и осталась стоять, запертая на амбарный замок.

– ...Ты разочаровала меня. – Шеф посмотрел на нее сквозь толстое стекло бокала, покачал головой. – Не нужно было слушать Митьку и твою бабу! Не нужно было тащить тебя в новый мир, давать тебе все эти возможности! – Он неопределенно взмахнул рукой, наверное, описывая круг Мирославиных возможностей. – Ты никчемная! Ты даже со Славиком не сумела совладать! Ну, скажи, чего тебе не хватало? – Он с грохотом поставил бокал на стол. – Все тебе дал! Образование, должность, деньги! Единственного сына был готов на тебе женить, а ты? Что ты кобенишься, а? Ты же никто, шавка ты дворовая!

Мирослава отступила на шаг, посмотрела на шефа, теперь уже точно бывшего, с недоумением, словно видела его впервые в жизни.

– Ваш сын – садист, – сказала она медленно, почти по слогам. – Садист и социопат.

– И что такого? – Всеволод Мстиславович презрительно поморщился. – Он научился сдерживаться, контролировать себя. Что он сделал? Он ударил тебя, Мирослава?

– Попытался. – Она отступила еще на шаг, находиться в одной комнате с этим человеком было вся тяжелее и тяжелее.

– Ты ему всегда нравилась. – Всеволод Мстиславович устало потер глаза. – Бьет, значит, любит! Небось, слыхала? Ну, ударил бы он тебя... До смерти бы не забил! А потом бы раскаялся, на коленях перед тобой ползал бы, подарок бы дорогой подарил. Нормальная же жизнь могла быть!

– Вы сейчас шутите?

Она уже понимала, что он не шутит, что возмущение его основано на искреннем, почти детском недоумении. И если раньше у нее как-то получалось отделять Славика от его отца, то сейчас стало совершенно ясно, что это именно Всеволод Мстиславович тринадцать лет назад выписал своему единственному сыну индульгенцию, позволил обижать и унижать тех, кто слабее и беззащитнее. Ее, Мирославу, обижать и унижать!

– Я думал, что ты понимаешь правила игры. – Он покачал головой. – Понимаешь и принимаешь. Тебе ведь очень хорошо заплатили, я заплатил.

– За что? За то, чтобы ваш ублюдочный сынок надо мной издевался?! – Она вдруг сорвалась на крик, и крик этот эхом пронесся по кабинету, вырвался в открытое окно, шуганул сидящего на перилах балкона голубя. – Леше вы тоже заплатили? Или над ним можно было издеваться бесплатно?

Мирослава вдруг осеклась, впилась взглядом в наливающееся нездоровым багрянцем лицо Всеволода Мстиславовича.

– Это же он сделал? – сказала она почти шепотом. – И тогда, тринадцать лет назад, и сейчас. Поэтому вы так нервничаете? Не из-за школы, не из-за репутации, а из-за того, что сделал ваш сын!

– Уничтожу! – Для пьяного человека он действовал необычайно ловко, от летящего бокала Мирослава успела уклониться лишь чудом. Он просвистел в нескольких сантиметрах от ее уха и врезался в дверной косяк. А Всеволод Мстиславович уже вставал из-за стола. – Если ты только вякнешь, если только попробуешь сунуться с разговорами к тому менту, я тебя закопаю.

– Только попробуйте! – Она не стала больше пятиться, она шагнула навстречу и этому человеку, и собственному страху.

– Кажется, я недостаточно ясно выразился. – Он неожиданно успокоился, улыбнулся своей обычной снисходительной улыбкой. – Давай-ка поговорим про твой диагноз. Ты же психически нестабильная, Мирослава. Тебе же с самого детства мерещится всякое. И документальные свидетельства тому имеются, и аудиозаписи. И не надо мне сейчас рассказывать про врачебную тайну, нет у тебя от меня никаких тайн. Тайн нет, а диагноз есть. Так что сто раз подумай, прежде чем попытаешься навредить моей семье. Поверь, в моих силах организовать тебе принудительное лечение в очень элитном и очень закрытом заведении. Так сказать, по-родственному. А свидетелей твоей душевной нестабильности я найду, сколько хочешь. И никто тебе на сей раз не поможет. Даже твой дражайший дядя Митя. – Его улыбка вдруг сделалась шире и ярче. – Кстати, о защитниках! У них ведь тоже могут быть собственные тайны и собственные проблемы, поэтому не усугубляй, Мирослава. Не боишься за себя, пожалей того единственного человека, который до сих пор принимает участие в твоей судьбе. – Он снова уселся за стол, одернул рукава пиджака, сказал: – Надеюсь, мы поняли друг друга?

Мирослава поняла. Этот негодяй посмел угрожать не только ей, но еще и дяде Мите. Готова ли она прямо сейчас, не взвесив все «за» и «против», ринуться в бой? Не готова. Прямо сейчас – нет! Нужна информация. Нет, не информация, а факты и доказательства! А чтобы добыть доказательства, ей нужно время.

– Я вас поняла, Всеволод Мстиславович, – сказала она и сама поразилась, как спокойно и ровно прозвучал голос. – Могу я идти?

– Ступай! – В мгновение ока он превратился из разъяренного чудовища в доброго босса. – И, Мирослава, если ты все еще хочешь покинуть свой пост, не спеши, дождись моего разрешения.

Дождись разрешения! Он и в самом деле решил, что она сдалась и успокоилась? Его мир был так прост и так очевиден? Мужчины приказывают, женщины подчиняются? Вот в кого Славик.

Ничего, она со всем разберется, а пока ей нужно домой.

...Мирослава сразу поняла, что в ее комнате кто-то был. Несмотря на запертую на замок дверь, несмотря на забитую тяжкими думами голову. Это было даже не эфемерное шестое чувство, а твердая уверенность, заставляющая сердце биться в два раза быстрее, заставляющая тело группироваться и готовиться к бою.

Первым делом Мирослава проверила ванную комнату. Вторым – гостиную. В свою спальню она заглянула в самую последнюю очередь, уже зная, что никого не найдет. Но кое-что она все-таки нашла. Незванный гость оставил на ее кровати подарок...

Это был плоский сверток, небрежно завернутый в крафт-бумагу. В свертке могло быть что угодно, от безобидного до смертельно опасного, но Мирослава уже приняла решение.

Оберточная бумага с тихим шуршанием упала к ее ногам, а в руках у Мирославы остался изрядно потрепанный, пожелтевший от времени дневник Августа Берга...

* * *

Та дамочка хотела от Августа невозможного, она хотела, чтобы он сконструировал еще одну башню. На остров она приплыла в сопровождении городского головы и долговязого, прыщавого мальчишки. На остров приплыла, но переступить порог маяка, последнего убежища и добровольного узилища Августа, не стала. Так и осталась стоять черной, как из бумаги вырезанной тенью в ярком прямоугольнике дверного проема. Городской голова и мальчишка в нерешительности топтались за ее спиной, не зная, как поступить, как подступить к Августу.

В тот день он был пьян. Впрочем, как и все предыдущие дни. Дешевая самогонка делала его бесчувственным и мизантропичным, давала хоть какие-то силы жить.

Дешевая самогонка была для него наилучшим собеседником. Она и безымянная рябая кошка, прибившаяся к маяку. Вот такая была у Августа компания. Остальных он гнал прочь, не стесняясь в выражениях. На сей раз тоже не постеснялся, хоть в изящном темном силуэте, застывшем на его пороге, угадывалась дама. Прошли те времена, когда Август считал себя дамским угодником.

А она не сдалась и, кажется, нисколько не смутилась неласковым приемом. Она осталась ждать снаружи в то время, как городской голова опасливо переступил порог маяка.

– Графиня Агния Витольдовна Горисветова желает с вами пообщаться, мастер Берг, – проблеял он, брезгливо оглядываясь по сторонам. – Дело безотлагательное, очень выгодное, – добавил, понижая голос до заговорщицкого шепота. – Есть для вас работенка!

Август не желал общаться и не желал работенки. Он хотел пить. В глотке драло, голова кружилась с тяжелого похмелья.

– Подите к черту со своей работенкой, – сказал он как можно вежливее и потер виски. Голова не только кружилась, но еще и раскалывалась.

– Нездоровится? – в голосе городского головы был елей, но не было и капли сочувствия.

– Как видите. – Август встал, покачнулся, но удержался на ногах, алюминиевым ковшиком зачерпнул воды из стоящего на табурете ведра, с жадностью принялся пить.

Когда допил, рядом с городским головой уже стоял парнишка. В одной руке он держал объемную кожаную папку, а во второй бутылку французского вина. У Августа еще доставало ума и памяти, чтобы узнать свою любимую марку. Ума и памяти доставало, а вот сила воли закончилась.

– Это вам, мастер Берг. – В голосе парнишки звучала какая-то странная смесь восхищения и разочарования. – Агния Витольдовна велела кланяться.

Агния Витольдовна – это, стало быть, та самая дамочка, что маячит снаружи. Умная дамочка, умеющая найти подход к жаждущему гению.

Август молча взял бутылку, так же молча выдернул пробку и, не озаботившись поисками кружки, принялся жадно пить прямо из горлышка.

Вино было прекрасно! Он уже и думать забыл, как это бывает, когда не просто заливаешь в себя жгучую горечь, а смакуешь каждый глоток. Вот и вспомнил.

Он пил, а парнишка украдкой поглядывал на разложенные на столе чертежи и наброски. Ничего интересного, так... все по мелочи, чтобы окончательно не сойти с ума. Парнишке нравилось то, что он видел. Нет, не так. Увиденное вызывало в нем восторг! В зачерстевшей и заспиртованной душе Августа что-то шелохнулось, что-то из нормальных человеческих чувств, почти забытое, сознательно изгнанное из сердца и памяти.

– Что скажешь? – спросил он, ставя наполовину опустевшую бутылку прямо на чертеж.

Лицо парнишки исказилось болью. Август не сразу понял причину такого терзания, а когда понял, несказанно удивился. Парнишка переживал, что вино может испачкать чертеж.

– Это виадук? – спросил он, не сводя взгляда с чертежа.

Кто бы из оставшихся в жизни Августа людей разобрал в этом хитросплетении линий виадук? Никто бы не разобрал! Да он бы никому и не показал. Просто парнишка оказался настырным и глазастым.

– Как звать? – спросил Август, убирая бутылку с чертежа.

– Леня... – Парнишка густо покраснел. – Леонид Ступин, господин Берг. – И тут же, словно в одночасье решившись на очень важный шаг, выпалил: – Я поклонник вашего таланта!

Получилось смешно и наивно. Август хохотнул.

– Разве я оперная певичка, чтоб иметь поклонников?

– Простите. – Леонид смутился, краски покинули его лицо. – Я неправильно выразился. Ваши работы... Я считаю их гениальными! Все до одной, мастер Берг!

Это было так наивно, так искренне и одновременно так странно, что впервые за долгие месяцы Августу стало любопытно.

– Где вы видели эти работы, юноша? – спросил он, делая еще один осторожный глоток из бутылки.

– В Перми! Тут, в Чернокаменске! В журналах по архитектуре! Агния Витольдовна выписывает их специально для меня! – принялся с жаром перечислять Леонид. – Вот этот маяк... – Он запрокинул голову вверх. – Это ведь настоящее произведение искусства!

– Агния Витольдовна – это твоя маменька? – Август не стал оборачиваться, парнишка интересовал его куда сильнее, чем дамочка.

– Это моя... благотельница. – Леонид на секунду замешкался, подбирая правильное определение. На помощь к нему тут же пришел городской голова. Почувствовал интерес Августа старый лис!

– Графиня Горисветова великого сердца человек! – сказал он громко, чтобы дамочка непременно услышала его дифирамбы. – Она основала приют для талантливых сироток. – При слове «сиротки» он небрежно кивнул в сторону Леонида. – Собирает бедняжек по всему свету, дает им кров и пищу, развивает их гений! Понимаете, мастер Берг, кто просит вас об одолжении? – «Одолжение» он сказал едва слышным шепотом и многозначительно выпучил глаза.

– У вас какой гений, молодой человек? – От городского головы Август отмахнулся, с любопытством посмотрел на парнишку.

– У меня не гений... – Тот испуганно покачал головой, – у меня так... некоторые склонности.

– И эти склонности лежат в вашей папочке? Я правильно понимаю?

Мальчишка кивнул. Рука, сжимающая папочку, заметно дрожала. Так дрожали руки самого Августа после сильного перепоя, но дрожь парнишки явно была нервного характера.

– Покажите-ка! – Широким жестом он смахнул собственные чертежи на пол, освобождая место для папки Леонида. – Да побыстрее, молодой человек! У меня не так много времени!

Парнишка бросился выполнять приказ. Его руки больше не дрожали, а губы сжались в тонкую решительную линию. Он был готов выслушать приговор.

Август с кряхтением уселся за стол, потянулся за папкой, вытащил сначала один чертеж, потом другой... Он пересмотрел все, что лежало в папке. Он смотрел, а Леонид застыл за его спиной соляным столбом и, кажется, даже перестал дышать. Август тоже перестал, потому что на столе перед ним лежали свидетельства того, что судьба и в самом деле свела его с гением. Робкий юноша с пылающим взглядом оказался настоящим бриллиантом. И пусть этому бриллианту недостает хорошей огранки, но сияет и искрится он уже сейчас.

Август обернулся, снизу вверх посмотрел на Леонида, под его взглядом тот смертельно побледнел, даже покачнулся.

– Что, говоришь, хочет твоя патронесса? – спросил Август. Он уже знал, что сделает все, что захочет Агния Горисветова. Но сделает это не для нее и даже не для себя, а ради вот этого парнишки, в котором Август вдруг увидел самого себя, но юного и счастливого.

За спиной шумно и облегченно выдохнул городской голова, кинулся объяснять и зазывать Августа на божий свет. Идти к свету Август наотрез отказался, а Агния Горисветова наотрез отказалась воспользоваться его гостеприимством. Городской голова так и метался туда-сюда от света к тьме, передавая пожелания, выясняя требования. Наконец Август устал от этих метаний, да и принесенное вино успело закончиться. Но перед тем, как закончиться, оно сделало Августа добрее и сговорчивее настолько, что он любезно принял приглашение Агнии Витольдовны посетить Горисветово в ближайшие же дни. Сказать по правде, если бы не парнишка, Август не шелохнул бы и пальцем, но парнишка смотрел на него полным мольбы взглядом. Парнишке был нужен наставник, а Августу... А Август еще и сам не знал, что ему нужно. Просто что-то

шелохнулось в душе, и ему вдруг захотелось оставить при себе это робкое чувство.

...Албасты появилась, когда незваные гости уплыли с острова. Сначала Август увидел извивающиеся в воздухе белые косы. Кончик одной косы ласково поскреб по холке урчащую кошку, вторая обвилась вокруг пустой бутылки. Август вздохнул, потянулся за ковшом с водой, сказал, напившись:

– Выходи.

Она выплыла из темноты. На сей раз юной и прекрасной девой. Такой прекрасной, что глаз не отвести. Кошка довольногнула спину, льнула под ласковую девичью ладонь. Кажется, только одна кошка ее и любила. Сам он просто не боялся. Но для такого существа, как албасты, отсутствие страха уже было сродни любви.

– Гости? – Албасты уселась на лавку, длинные косы обвились вокруг ее узких щиколоток.

– В гости зовут. – Август подпер кулаком небритую щеку, уставился на оставленную Леонидом папку с чертежами.

– Мальчишка понравился. – Албасты не спрашивала. Албасты видела его насквозь.

– Не смей его обижать! – Август вскинулся, запоздало вспомнив, на что она способна. – Даже не думай!

Она рассмеялась, ее смех колокольчиком зазвенел в гулком пространстве маяка. Зазвенел и тут же оборвался.

– Я хотела на нее посмотреть. – А голос из молодого и звонкого сделался вдруг сиплым.

Августу не нужно было поворачивать голову, чтобы понять, что на лавке рядом с ним уже сидит не юная дева, а нездешняя тварь, на которую лучше вообще не смотреть.

– Она предпочитает свет. – Он пожал плечами, отпихнул носком сапога ползущую к нему змею, которая еще пару мгновений была длинной девичьей косой.

– Ой ли... – Змея с шипением уползла под лавку, а на плечо Августа легла когтистая рука. – Как же ты наивен, старик, – сказала албасты.

Она исчезла так же внезапно, как появилась, оставив после себя стужу и холодные дорожки росы на каменной стене маяка. А он еще очень долго слышал змеиное шипение из темноты...

* * *

Перед поездкой в Горисветово Август заказал сразу две бутылки вина, не такого хорошего и дорогого, как то, что передала ему Агния Горисветова, но тоже весьма недурственного. А потому в усадьбу он явился уже мертвецки пьяным, из кареты не вышел, а, считай, вывалился. Вывалился бы наверняка, если бы не подбежавший Леонид. Парнишка на сей раз был одет по-простому, в холщовые штаны и рубаху, и вихры его в отсутствие бриолина вились мелким бесом. Почти как у Августа в молодости.

Леонид сразу же отвел Августа в его комнату, видать, смекнул, что в таком состоянии его ни в коем разе нельзя показывать своей патронессе. И показывать ему усадьбу тоже бессмысленно. Август был ему за это весьма благодарен. И накрытый в комнате стол он тоже оценил по достоинству. Графиня Горисветова не скупилась, обед был роскошен и щедр. Вот только одному ему все эти яства ни за что не съесть.

– Присоединяйся, Леонид! – Август кивнул на свободный стул. – Поедим, потолкуем.

Парнишка попятился, во взгляде его появилось какое-то странное выражение, такая смесь отчаяния и желания. Август хоть и был пьян, но дураком себя не считал и в людях разбираться умел.

– Садись, – велел он. – Я настаиваю, а остальные не узнают.

Остальные – это Агния Горисветова, не иначе. Вот такая у нее забота о бедных сиротках. На людях одно, а на деле – совсем другое. Парнишка, очевидно, недоедал. Оттого и худоба, и бледность.

Обедали молча. Манерам парнишка был обучен, вилок и ножом управлялся ловко, но было видно, что такая еда ему в диковинку, оттого и жадное нетерпение, оттого и этот блеск в глазах. Но от предложенного бокала вина он отказался категорически. Август не стал настаивать. Кому, как не ему, знать, к чему приводит дружба с Дионисом? Сам он тоже вино лишь пригубил. Для встречи с графиней Горисветовой ум ему был нужен более-менее ясный, а для того не лишним было бы немного поспать. Что он и сделал, отослав Леонида и велел разбудить его ровно через два часа. Двух часов должно было хватить.

Приказ Леонид исполнил в точности и, кажется, с превеликим удовольствием. Парнишке не терпелось показать Августу усадьбу и приступить к работе. А вот его патронесса желания пообщаться с самим мастером Бергом так и не изъявила, передала через Леонида заверения и прочую светскую чушь, извинилась за то, что предпочитает вести уединенный образ жизни, поэтому связь они будут держать через Леонида. Августа такой расклад весьма устраивал. Леонида, похоже, тоже. И последующая неделя, проведенная Августом в Горисветово, была едва ли не первой светлой неделей за долгие месяцы уныния и скорби.

Помимо Леонида, общаться ему приходилось со старым глухонемым слугой, да пару раз с местной приютской ребятней. Ребятня была такая же худая, бледная и увлеченная, как и Леонид. Августу довелось понаблюдать за шахматной партией, состязаниями в фехтовании, музицированием и рисованием. Воспитанники Горисветовского приюта были разновозрастными и все до единого необычайно талантливыми. Похоже, Агния Горисветова делала благое дело, собрав под одной крышей столько юных гениев. Вот только кормила она своих воспитанников скверно. Когда Август сказал об этом Леониду, тот залился краской не то злости, не то стыда и с некоторым вызовом сообщил, что человеку для развития талантов надлежит быть голодным, что сытость порождает праздность. Август позволил себе с ним не согласиться, но спорить не стал и продолжил украдкой подкармливать его разносолами со своего стола.

К делу они приступили на следующий день. По этому поводу Август даже решил не напиваться с самого утра. Задачку графиня Горисветова поставила перед ним заковыристую. Августу надлежало спроектировать башню. Да не простую, а в

форме гигантской свечи. Леонид упрямо называл это сооружение светочем, Август не возражал. У него родился план, который он вознамерился воплотить в жизнь в ближайшее же время. Это был их с Леонидом секрет. Башню, этот монструозный светоч, проектировал Леонид. Да, Август его направлял и сверялся с каждым расчетом, да, он давал дельные советы, но идея была не его! Идея целиком и полностью принадлежала мальчишке. Это он рассчитывал все до последнего камешка в кладке. И как-то так вышло, что, увлекшись новым проектом, Август и думать забыл про вино. Как-то все не до того было! Спал он теперь урывками, по четыре-пять часов в сутки. А Леонид, кажется, и вовсе не спал, за что регулярно получал от Августа нагоняй.

У них получился прекрасный тандем. Никогда-никогда у великого Августа Берга не было ученика, а теперь он появился! Появился и сделал вдруг Августа, если не счастливым, то хотя бы спокойным. Вот такое чудо!

Август вернулся к себе на остров, когда проект был уже полностью завершен и одобрен графиней Горисветовой. Свое одобрение она передала через Леонида вместе с чеком на весьма щедрую сумму и пожеланием видеть господина Берга на стройке так часто, как это будет возможно. Август не возражал. В первый же день в Чернокаменске он обналичил чек и во время своего следующего визита в усадьбу сунул внушительную пачку в руки растерявшемуся и смущенному Леониду.

– Бери-бери! – сказал строго. – Имя мое, но работа твоя. Стало быть, и деньги твои.

Подумалось вдруг, что можно было открыть на имя Леонида банковский счет, воспользоваться которым парнишка смог бы при достижении совершеннолетия. Ждать оставалось недолго, всего какой-то год. Но дело было сделано, и Август надеялся, что парень сумеет распорядиться полученной суммой с умом.

Он и распорядился. Накупил сладостей мелюзге, новый кафтан глухонемому прислужнику Тихону и подарок самому Августу. Это был блокнот для записей, дорогой, обтянутый тисненой телячьей кожей с плотными и хрусткими страницами. Как же давно Августу не дарили подарков, чтобы вот таких – от чистого сердца и от души! Это было такое приятное чувство, что Август пообещал и себе, и Леониду, что непременно использует блокнот по прямому назначению, станет вести дневник. Ничего особенного, просто забава и тренировка мозгов, чтобы не ржавели и не скрипели от безделья. Здесь же

можно будет делать кое-какие наброски, касающиеся их с Леонидом совместной работы. Вот такая двойная польза!

Строительство башни, которую Леонид продолжал называть светочем, а сам Август именовал по-простому Свечной, шло споро. Не было заминки ни в деньгах, ни в рабочих руках. Агния Горисветова не скупилась. С Августом они по-прежнему виделись мельком, в лучшем случае обменивались вежливыми приветствиями, но чаще всего графиня избегала его общества. Эта странность Августа не расстраивала, а лишь слегка удивляла. Даже тех мгновений, что выпали на их общение, хватило, чтобы оценить поразительную, какую-то нездешнюю красоту этой женщины. Будь Август помоложе, он бы сказал – опасную красоту. Но Август был немолод и сердце его принадлежало одной единственной женщине, неизбежной встречи с которой он ждал с нетерпеливой радостью. И потому красоту Агнии он оценивал исключительно с художественной точки зрения. Пару раз ему даже хотелось испросить разрешение нарисовать ее портрет. Желание это исчезло в тот самый момент, когда он увидел картину, написанную одним из воспитанников приюта. Это был не портрет Агнии, это было ее почти ожившее отражение. Сходство было таким поразительным, что поневоле делалось страшно. А еще стыдно за свое желание потягаться с настоящим гением. Потому Август занялся другим, тем, что получалось у него лучше всего. Пока еще даже лучше, чем у Леонида.

Эту медную табличку он заказал у лучшего гравера Чернокаменска. На табличке с каллиграфическим изяществом было выведено имя и фамилия Леонида, а надпись под ней настаивала на том, что именно он, Леонид Ступин, является создателем Свечной башни. Там же имелась и дата, чтобы ни у кого не оставалось сомнений.

Табличку Август протянул Леониду, когда они стояли посреди уже почти полностью готовой башни.

– Это тебе, – сказал он с улыбкой. – Это твое! – закончил уже без улыбки и обвел уходящие в небо стены удовлетворенным взглядом.

– Я не могу, мастер Берг. – Парнишка прижимал табличку к сердцу, как самое дорогое, что у него было. – Агния Витольдовна дала четкие указания насчет авторства.

Они оба это знали, оба понимали, что графиню Горисветову волнует не только и не столько архитектура. С первого же дня ей было важно, чтобы Свечную башню построил гений и мистик, тот самый загадочный Август Берг. И они не стали ее разочаровывать! Август – мастер, Леонид – подмастерье.

– Ты еще молод, мой мальчик. – Август уже все решил и все продумал. – Пока еще в чем-то даже неопытен, но наступит день, когда твое имя прогремит на весь мир. Я верю в это всем сердцем. Когда-нибудь ты меня превзойдешь. Я уверен, что этот час наступит очень скоро. И тогда ты извлечешь на свет божий эту табличку, как доказательство своего авторства.

– Мне не поверят. – Леонид покачал головой.

– Поверят мне! – Август усмехнулся, достал из кармана сюртука конверт, бережно разгладил углы и положил его в специально для этого спроектированную нишу. Раствор и кирпичи лежали у его ног, даже не пришлось далеко ходить. Парнишка замороженно наблюдал, как он замуровывает конверт в стену башни. Пожалуй, это был единственный тайник, о существовании которого не знала Агния. Все остальные, а было их целых три, были сделаны по ее личному распоряжению собственноручно Августом и Леонидом, без привлечения рабочих. Августу было совершенно неинтересно, зачем они понадобились хозяйке Горисветово, с него хватало собственных тайн.

– Вот мое свидетельство, мальчик. Самому Августу Бергу они должны будут поверить. А ты просто дождись своего часа и возьми свое сразу, как только этот час наступит.

Август ожидал всякого: благодарности, радостного недоумения, смущения. Он не ожидал, что Леонид его обнимет. Вот так молча, по-мужски.

– Спасибо, мастер Берг, – сказал он шепотом. – Вы не представляете, как много значит для меня ваше доверие.

Август представлял и уже немного страшился происходящего, потому что доверие неминуемо влекло за собой ответственность, а ему не хотелось больше ни за кого отвечать. Но парнишку он не оттолкнул, молча погладил по вихрастой голове, вздохнул.

* * *

Башню открывали торжественно, в присутствии всего местного и даже пермского бомонда, под прицелами модного американского фотографического аппарата, под зоркими и жадными взглядами представителей прессы. Сироток по такому случаю нарядили в новые костюмчики и платьишки. Леонид по такому поводу старательно набриолинил свои непокорные кудри, а Август старательно напивался с самого утра, ибо страшно не любил подобные сборища.

Тогда же, в день открытия Свечной башни, у него состоялся первый и единственный более-менее длинный разговор с Агнией Горисветовой. Тогда же он в первый раз обратил внимание не только на ее нездешнюю красоту, но и на ее нездешнюю, совершенно нездоровую бледность. А еще на ладанно-терпкий, горько-полынный аромат ее духов. Так пахло бы в церкви, если бы в жарком пламени свечей кому-то вздумалось воскурить не только ладан, но и дикие травы.

– Я признательна вам, мастер Берг. – Агния протянула ему руку. Прозрачная кожа, длинные пальцы, синее ложе идеальных, миндалевидных ногтей. Август уже видел такое, эту нездоровую синеву. У любимой жены видел, когда она медленно умирала по причине слабого сердца.

Агния Горисветова тоже умирала. И этот ладанно-полынный запах не был запахом ее духов, это было пока еще слабое, но уже осязаемое дыхание приближающейся смерти.

– Эта башня, ваше детище – оно великолепно! – Во взгляде ее черных глаз было понимание. Она знала, что он разгадал ее страшную тайну. Смущало ли ее это? Август не знал. – Мне нравится все! И архитектурная сторона вопроса, и инженерная! – Агния холодно улыбнулась. – Надеюсь, очень скоро мы приведем механизм в действие, и в ночи воссияет свет. Вам интересен мой замысел?

– Боюсь, я уже слишком стар, чтобы проявлять интерес к чему бы то ни было.

Августа тяготил этот разговор, хотелось поскорее уйти прочь от этой непостижимой, уже не живой, но еще и не мертвой женщины. Чем она больна? Чахоткой? Или, быть может, малокровием? Тень смерти – вот причина ее нездешней красоты. А в чем причина ее небывалого гуманизма? Что станет с

бедными сиротками, когда она отдаст богу душу? Спросить бы. А впрочем зачем? Какое ему дело до графини Горисветовой и ее гениальных сироток? Он выполнил свою часть договора, и теперь его волнует лишь крепость подаваемого гостям вина. Вот так-то.

Кажется, ей понравился его ответ. Или его мысли? Потому что она улыбнулась ему отстраненной, но все же одобрительной улыбкой и сказала:

– Первый светоч я зажгу в вашу честь, мастер Берг. В вашу честь и во славу одного из дарованных нам талантов.

Прозвучало витиевато и пафосно. Август улыбнулся в ответ, отсалютовал ей бокалом шампанского, прихваченным с подноса пробежавшего мимо официанта.

– Рад был помочь, – буркнул он, уже отворачиваясь, норовя побыстрее скрыться в толпе гостей.

– Возможно, вам захочется увидеть, – сказала она так тихо, что он вынужден был обернуться.

– Что увидеть? – спросил не слишком приветливо и одним глотком выпил шампанское.

– Как он зажигается. В моих планах их двенадцать. Лучше бы по одному в месяц, но в сложившихся обстоятельствах глупо привязывать судьбу к конкретным датам.

– Кто зажигается? – Август попятился. Пожалуй, из них двоих чуть более сумасшедшей была именно Агния. Странно, что остальные не замечали ни ее болезни, ни ее безумия.

– Светоч! – Агния сложила ладони в молитвенном жесте, посмотрела в сторону башни. – Уверю вас, это величественное, волшебное и целительное действо. Возможно, когда-нибудь вы захотите ко мне присоединиться.

– Когда-нибудь?

– Когда поймете, что все это, – она разомкнула ладони, развела руки в стороны, – не больше, чем иллюзия, а такие, как мы с вами, могут управлять целыми мирами. Вы ведь бывали в иных мирах, Август? – Взгляд ее черных глаз горел лихорадочным любопытством. Или просто лихорадкой?

Ему доводилось бывать в Нижнем мире, но знали об этом немногие. Вот, пожалуй, только албасты и знала, а албасты никак нельзя назвать живой. Может быть, и его самого тоже.

– Нет. – Август покачал головой. – Я давно не выбирался дальше Чернокаменска.

Почти и не соврал, потому что отныне Нижний мир навечно с ним. Для этого не нужно путешествовать по земле.

Как ни странно, его ответ Агнию удовлетворил.

– Я не ошиблась, – сказала она скорее самой себе, чем ему. – Приятно было поболтать, Август.

И это игривое «Август» прозвучало так, словно они с Агнией были ровесниками, древними тварями, смертельно уставшими от этого мира, но еще не готовыми его покинуть. Всего на мгновение его обдало волной холода, а потом наваждение исчезло. Вместе с той, которая его породила.

* * *

Август уехал из Горисветово утром следующего дня. Попрощался с Леонидом, собрал свои малочисленные пожитки и уехал. Не стал даже оборачиваться, чтобы бросить прощальный взгляд на Свечную башню. Все, дело сделано, ему пора назад на Стражевой камень. Там у него есть своя собственная башня.

Потянулись серые, заполненные самогоном и бездельем дни. Полученных от графини Горисветовой денег вполне хватало на хорошее вино, но Август с упрямством, достойным лучшего применения, продолжал медленно убивать себя самогоном. Единственным, что скрашивало его унылое существование, были регулярные письма от Леонида. Парнишка продолжал информировать Августа обо всем, что происходило в Горисветово. Поначалу ничего значительного не

происходило, приют жил размеренной и скучной жизнью. Примерно такой исход Август и предполагал. Графиня Горисветова наигралась со своей новой игрушкой и потеряла к ней всякий интерес. Оказалось, что не наигралась и не потеряла.

Это письмо отличалось от остальных. В этом письме, в каждой аккуратно выведенной буковке читалась тревога.

«...А вчера ночью, мастер, Агния Витольдовна впервые зажгла Светоч! В помощники себе выбрала Степана Сретина. Вы должны его помнить, он писал портрет нашей благодетельницы и хотел написать Ваш, а Вы отказались. Помните, мастер?»

Август помнил. Юный гений был невысок, сутул и патлат. Взгляд его казался рассеянным, а руки подрагивали. Август никак не мог уразуметь, как с такими глазами и такими руками можно писать столь удивительные картины. А позировать гению он отказался исключительно из-за нежелания часами сидеть недвижимым болванчиком. Не в том он уже возрасте.

«...Агния Витольдовна назвала это действие посвящением. Степан очень гордился. Он гордился, а я, признаюсь честно, очень ему завидовал. Мне думалось, что первый Светоч зажечь должен был именно я, ведь это я спроектировал башню! Мастер Берг, простите великодушно мою самоуверенность и желание присвоить себе ваши лавры! Я слишком взволнован, чтобы правильно формулировать свои мысли».

Глупый, наивный и честолюбивый мальчишка! Он все больше напоминал Августу самого себя в юности. Только Август, пожалуй, не стал бы извиняться.

«...Они скрылись в башне на вечерней заре – Степан и Агния Витольдовна. А нам было велено ложиться спать. Но как мы могли пропустить самое интересное?! Как мы могли пропустить запуск механизма?! Уснули лишь самые маленькие, а старшие и ваш покорный слуга бдели поблизости. Мы увидели, мастер! Это было незабываемое зрелище! Удивительной красоты! Светоч вспылал вскоре после полуночи. Огромная свеча, зажженная в ночи! Господин Серов спроектировал гениальный ламповый механизм! Мы плакали, мастер! Слезы текли у нас из глаз, а мы ничего не могли с этим поделать. Да и зачем стирать слезы восторга?!»

Август задумался. Сам он никогда не рыдал от восторга. Не тот характер, не та душевная организация. Он и от горя-то рыдать начал не так давно, после смерти Евдокии. А до того считал себя бездушным.

«...Я уверен, что свет был виден за несколько верст от Горисветово, таким ярким сделал его спроектированный механизм! Мы разбрелись по своим комнатам уже на рассвете, но я так и не смог уснуть. Я ждал Степана, потому что мне хотелось узнать подробности этого удивительного посвящения. Но Степан не появился у себя ни утром, ни к обеду. Вечером я отважился спросить у Агнии Витольдовны, куда он подевался. Она улыбнулась мне своей удивительной ласковой улыбкой, погладила по голове, а потом сказала, что Степан больше не вернется, что после посвящения он отправился в Дюссельдорф, где будет проходить обучение у лучших учителей живописи. Вот такая щедрая награда, мастер! Наверное, на лице моем Агния Витольдовна разглядела не только радость за друга, но и тень зависти, потому как улыбнулась мне материнской улыбкой и сказала, что непременно наступит та ночь, когда я тоже буду допущен к таинству посвящения. Уже одна только эта мысль согревает мое сердце! Я люблю Горисветово, но я мечтаю о большем. Я хочу учиться в столице, мастер Берг!»

Август усмехнулся, ему были понятны амбиции Леонида. Он их одобрял и был готов поддержать финансово. Надо будет непременно написать об этом парнишке. А куда еще девать скопленный капитал старому затворнику, у которого, считай, никого не осталось?

* * *

Август так и не написал про свои щедрые намерения. Он был слишком занят или, скорее сказать, слишком пьян, чтобы вообще отвечать на письма Леонида. А парнишка продолжал исправно писать!

«...Посвящение прошли еще двое! Тихон Скобников и Данила Северский. Я не буду перечислять вам их таланты. На то мне не хватит ни бумаги, ни времени. Но вы должны поверить мне на слово! Эти двое невероятно талантливы! Куда талантливее вашего покорного слуги...»

В строчках этих Августу почудилась тень обиды. А может, виной тому была выпитая накануне бутылка самогона? Он читал вслух, водя пальцем по расплывающимся и прыгающим строчкам, чтобы окончательно не потерять нить

повествования. Почему вслух? Потому что албасты не умела читать. Она сидела на лавке напротив Августа и ласково почесывала когтем кошку. Кошка мурлыкала от удовольствия, албасты задумчиво улыбалась. Наверное, из-за этой глубокой задумчивости она то и дело перекидывалась из юной девы в уродливую старуху. А Августу то и дело приходилось отпихивать тянущихся к нему слепых белых змей. Иногда змеи оборачивались косами за мгновение до его пинка.

Албасты были интересны эти вечерние чтения. Ее, вековое чудовище, все еще волновали человеческие страсти. А иначе с чего бы она появлялась в маяке всякий раз, когда Август брал в руки запечатанный конверт?!

«...А Свечную башню заперли. Хода в нее нет даже мне, мастер Берг! Агния Витольдовна говорит, что это из соображений безопасности, чтобы младшие дети не смогли себе навредить. Но я-то уже не маленький! Через пять месяцев мне исполнится восемнадцать! Я так и сказал, взял на себя эту смелость. А Агния Витольдовна рассмеялась, сказала, что я стану лучшим из ее светочей, что мне недолго осталось ждать. И так тепло и радостно стало у меня на душе, мастер Берг! Мне кажется я...»

Дальше было целое предложение, густо замазанное чернилами. Ничего не понять. Кончик белой косы, скользнул по бумаге, словно вбирая в себя лишние чернила, и перед изумленным взглядом Августа появилась фраза целиком.

«Мне кажется, что я влюблен! Агния Витольдовна прекраснейшая из женщин! Как я мог раньше не замечать этой божественной красоты?!»

– Божественной, – хмыкнула албасты, окуная испачканный кончик косы в невесть откуда взявшуюся на полу лужу.

– Она и в самом деле очень красива, – Август сложил письмо, потому что дальше шло лишь торопливо-смущенно прощание.

– Я тоже красива. – Албасты улыбнулась, перекинула косу через точеное плечо. – Посмотри на меня! – сказала требовательно.

– А что мне на тебя смотреть? Видел я тебя всякой! – Август потянулся за новой бутылкой.

– Меня видел.

Черный коготь угрожающе коснулся его руки. Чуть сильнее нажим, и от полученной царапины он будет долго мучиться, а потом в муках и помрет. Это если албасты не захочет разорвать его на клочки раньше. Вот только ему не страшно, не боится он больше смерти. И албасты это знает. Может за то и не убивает, что неинтересно?

– Меня видел, а ее суть не разглядел. – Скрипучий старушечий голос еще висел в башне, но самой албасты уже и след простыл. Приходить и уходить она любила внезапно.

* * *

Это письмо отличалось от остальных. Буквы плясали в разные стороны, строчки уползали вниз. Если бы Август не был уверен, что Леонид не пьет, решил бы, что тот пьян. Впрочем, он и сам был привычно пьян.

«Я был ослеплен, мастер Берг! Это как если бы вы долго смотрели на солнце, а потом попытались разглядеть хоть что-то в этом бренном мире. Я слишком долго смотрел на солнце... Вы помните Савельку? Это наш Горисветовский Моцарт».

Август не помнил, но все равно кивнул, словно бы Леонид мог его видеть. Парящая в полуметре от пола албасты многозначительно хмыкнула. Кошка привычно играла с кончиком одной из ее кос. Почти семейная идиллия...

«Савелька пришел ко мне на следующую ночь после инициации Данилы. Он маленький, считай, самый младший из нас. И он дрожал от холода. Тогда мне подумалось, что от холода. Я накрыл его одеялом, чтобы согреть. Я думал, что мальчику приснился дурной сон. Такое иногда случается. Вы же понимаете?»

Август понимал! По части кошмаров ему не было равных!

«Я хотел отвести Савельку в его комнату, а он расплакался. Он рыдал и говорил, что слышит их каждую ночь. Я спросил, кого он слышит, и Савелька сказал, что их... Светочей. Тех, кто прошел инициацию и покинул Горисветово. Я сказал, что

это невозможно, что он просто скучает по ним. Но Савелька не сдавался, он вцепился в меня с несвойственной ему силой, он хотел, чтобы я его выслушал. Мне пришлось, мастер Берг. Просто чтобы его успокоить. Мне кажется, у Савельки какая-то душевная болезнь. Такое бывает с гениями. Помните, мы с вами даже обсуждали такую печальную возможность?..»

– Что он слышал? Читай! – поторопила албасты. Никогда раньше не торопила, а тут, поди ж ты! Август продолжил чтение.

«Савелька слышит их крики. Не голоса, мастер Берг, а мучительные и отчаянные крики. Он говорит, что слышит их с той самой ночи, когда Светоч зажегся в первый раз. Тогда он думал, что ему показалось. У него абсолютный слух, мастер Берг, он слышит музыку даже в шуме ветра. Но это не музыка! Савелька слышит крики. И он был настолько напуган, что я позволил ему остаться в своей комнате до самого утра, хотя это против всех правил. А утром ко мне подошла Лизонька. Лизонька особенная, у нее феноменальная память и такая же феноменальная скорость чтения. А еще мне иногда кажется, что она умеет читать мысли. Разумеется, все это глупость, и удивительной прозорливости Лизоньки непременно найдется научное объяснение, но она поделилась со мной своими страхами, мастер Берг. А я не могу не поделиться ими с вами, моим учителем...»

Руки дрогнули. Это от самогона! Не от умиления, нет!

«Лизонька плакала точно так же, как ночью плакал Савелька. Ей чудятся призраки. Она говорит, что это призраки тех, кто прошел инициацию в Свечной башне. Она тоже называет их Светочами. И они приходят к ней каждую ночь, чтобы поиграть в прятки. Я не стал пугать бедную девочку еще больше, но я весьма взволнован состоянием ее душевного здоровья. Я бы непременно поговорил о ней с Агнией Витольдовной, но графиня нынче крайне редко выходит из своих покоев. Я в смятении, учитель! И я прошу у вас совета. Как мне следует поступить?»

Кто такой был Август, чтобы давать советы? Да и что он мог посоветовать? Потому и не стал отвечать на это письмо. Впрочем, как не ответил он и на все предыдущие...

* * *

От Леонида не было вестей несколько месяцев. Неожиданно для самого себя Август начал тревожиться. Его тревога была еще не той степени, чтобы протрезветь и отправиться в Горисветово, но все же. Потому, наверное, он так и обрадовался этому письму! Радовался до тех пор, пока не прочел.

«Савелька ушел три ночи назад. Его Светоч горел ярче всех. А утром Лизоньку нашли повешенной в парке... Говорят, это самоубийство, мастер! И я виноват в случившейся трагедии как никто другой! Я должен был что-то сделать, как-то помочь бедняжке! Я должен был хотя бы попытаться защитить ее от демонов, порожденных ее больным разумом. Или это иного рода демоны?.. Учитель, иногда мне и самому кажется, что ум мой повредился. Позапрошлой ночью мне привиделась Лизонька... Еще днем я решил сам во всем разобраться. Я стянул у немого Тихона ключи. В последнее время только ему разрешено заходить в башню. Я видел. Я знаю. Тихон выглядит совсем скверно. Кажется, черное крыло безумия коснулось и его тоже. Он стал похож на автоматон, который мы с вами рассматривали в том журнале. Автоматоны Антонио Солидато, удивительные заводные куклы. Вы помните, учитель?»

– Помню, – Август кивнул. Албасты удивленно вскинула соболиную бровь.

«...Тихон двигается, лишь когда получает от графини распоряжения, а все остальное время истуканом сидит в людской. Потому ключ я добыл без всяких сложностей. Но каких же сил мне стоило дождаться ночи! Как долго я ждал самого темного часа, чтобы выбраться из своей комнаты! Вы, наверное, решите, что я повредился умом, мастер Берг. Я не стану это оспаривать, потому что сам до конца не уверен в собственном здравомыслии. Я увидел Лизоньку, учитель! Она стояла у подножья башни в ночной сорочке, длинные волосы взвивались над ее головой, хотя ночь была совершенно безветренная. И я слышал ее голосок у себя в голове. Самая обычна считалочка, которую знает всякий ребенок. Я окликнул Лизоньку, хотя все естество мое противилось этому решению. Вы же помните, мастер Берг, что Лизонька мертва?»

– Помню. – Август сделал большой глоток самогона, дрожащими руками разгладил лежащий на коленях лист бумаги.

«Она исчезла, стоило мне ее позвать. Боялся ли я, мастер Берг? Не передать словами, как сильно! Но я принял решение! Я должен во всем разобраться! И я вошел в башню. Мне кажется, от нашего с вами творения ничего не осталось. Внутри она совершенно другая, словно из другого мира. Даже дышать

становится тяжело, когда оказываешься внутри, давит что-то на грудь... Вы помните тот постамент в центре? Мы с вами еще гадали, чья скульптура там будет стоять. Там не скульптура, учитель. Там ванна! Да, мне самому не верится, что я это пишу. Но я доверяю своим глазам. Большая ванна на диковинных медных лапах. Чистейшая эстетика и сибаритство. Но разве ж ей место в башне?! Или, быть может, это не ванна, а купель? Так я тогда подумал, мастер Берг, и заглянул внутрь... Не знаю, чем заполняли эту купель, но на стенках ее следы воска и копти. И запах... Не передать, как там пахнет... Наверное, так пахло бы во время черной мессы. Ладан, пепел, воск и травы. Признаюсь, у меня закружилась голова, я едва не свалился в эту дьявольскую купель...»

Август отложил письмо, глубоко задумался. Его собственная жизнь была полна странностей и чудачеств. Если бы ванна стояла в храме, он бы, пожалуй, удивился, но башня... Архитектурный объект, созданный исключительно благодаря блажи хозяйки, запросто мог быть для этой блажи и предназначен. Она ведь странная – эта Агния Горисветова, странная и полумертвая. Каждый из них доживает свою жизнь так, как считает нужным. Он убивает себя алкоголем, а Агния принимает ванны в Свечной башне. Ведь не в крови же младенчиков она купается?

Наверное, он задал этот вопрос вслух, потому что ответила ему албасты:

– Не в крови, старик.

Ее полные губы растянулись в улыбке, которая в ту же секунду превратилась в оскал, обнажая острые, как пики, зубы. Косы взметнулись в воздух, превращаясь в шипящих слепых змей.

– Изыди, – сказал Август устало и отхлебнул самогона.

Албасты не обиделась, но и уходить не спешила, вернулась в прежнее свое обличье, перебросила косы через плечи.

– Неласковый ты, – сказала с задорной девичьей улыбкой.

– Прошли те времена. – Август снова поднес письмо к глазам.

«...Ванна была испачкана чем-то жирным. Я поскреб ногтем эту неприятную субстанцию, отважился даже понюхать. Мне кажется, это был воск, мастер Берг. Самый обычный свечной воск. Или не самый обычный. В темноте было невозможно доподлинно разглядеть его цвет, но мне показалось, что он черный. И вода там тоже была, стояла лужицей на самом дне...»

– Это хорошо, что была вода, – сказала албасты задумчиво.

– Почему? – спросил Август, но она не ответила. Она вообще редко отвечала на его вопросы. Впрочем, задавал он их тоже нечасто.

«Я кое-как слез с пьедестала. Паралич, вызванный неожиданностью, прошел окончательно. Страх тоже прошел. Я бы обманул вас и себя, если бы стал утверждать, что не испугался. Но я поборол свой страх и решил осмотреть башню от основания до самой крыши, я поднялся по лестнице на смотровую площадку. Там меня ждало еще одно поразительное открытие, мастер Берг. Мои таланты рисовальщика весьма посредственны, но я зарисовал для вас то, что увидел. Вкладываю рисунок в это письмо».

В конверте и в самом деле лежал еще один листок бумаги, был он впопыхах вырван из какого-то блокнота, отчего имел неровные края. На листке была нарисована птичья клетка. Пожалуй, от обычной клетки ее отличали лишь пропорции. Она была сильно вытянута по вертикали. Первое, чему учится всякий архитектор, это умению чувствовать пропорции. Леонид чувствовал их прекрасно. Отчего же нарисовал клетку с такими неточностями? Удивило Августа и еще кое-что. На дверце клетки висел замок. Никогда он не видел клетки с такими замками. Но все это странность – не более!

Чтобы понять, что имел в виду парнишка, нужно было вернуться обратно к письму. Август отложил рисунок, вокруг которого тут же обвилась одна из белых кос. Албасты было любопытно. И само это проявление чувств было удивительно для нежити. До недавних пор чувства, хоть отдаленно похожие на человеческие, албасты проявляла лишь к прилудной кошке. Август не тешил себя надеждой, что стал для албасты другом. Скорее уж сокамерником. Оба они заперты на этом острове. Длина цепей у них разная, но суть от того не меняется. Албасты такая же узница, как и он сам.

«Вот эту конструкцию я нашел в самом центре смотровой площадки, мастер Берг! Она большая, с человеческий рост. Высокая и узкая, отчего птичью клетку напоминает лишь отдаленно. Я постарался передать ее пропорции, но возможности все измерить, как вы понимаете, у меня не было. А теперь ответьте мне, учитель! Разве не осветительный прибор должен был стоять на ее месте?!»

Август встал, порылся в ворохе чертежей. Он был неряхой и пьянчужкой, но он никогда не выбрасывал ничего, что связывало его с работой. Чертежами и схемами был завален не только большой книжный шкаф, но и половина длинного обеденного стола. Вот и схема осветительного механизма! Он всегда оставлял себе копию. Старая, уже отжившая свое привычка. Чертеж любого из своих детищ он мог повторить по памяти, с соблюдением всех размеров. Устройство механизмов он тоже старался запоминать, потому что именно механизмы делали его работы уникальными, вдыхали в них жизнь. Или видимость жизни. Но тем механизмом он интересовался не особо, полностью доверился Виктору Серову, потому что в своем деле Виктор был так же гениален, как Август в своем. Вот этот маяк – наилучшее тому доказательство. Но парнишка оказался прав! Осветительный механизм переделали. Можно было предположить, что систему зеркал оставили прежней, а источник света заменили на вот эту гротескную клетку. Это можно было бы считать еще одной блажью графини Горисветовой, навроде ванны на постаменте, но Леонид едва ли не в каждом письме утверждал, что осветительный механизм находится в рабочем состоянии, коль уж свет от него виден за несколько верст.

«...Но там нет ничего, кроме этой странной конструкции, мастер Берг! Она очень крепкая и весьма тяжелая, она надежно закреплена на смотровой площадке. Никакой ветер, даже ураганный, не сможет ее опрокинуть. А ураганы у нас, надо сказать, стали частыми гостями. И когда я пишу «у нас», то имею в виду исключительно Горисветово. В ближайшей деревне все спокойно. Эта природная аномалия кажется мне такой же странной, как и описанная конструкция. И я должен написать еще кое-что, учитель. Клетка перепачкана той же странной субстанцией, какую я нашел в ванне. Мне кажется, в ней что-то жгут... Судить об этом я могу по следам копоти и пепла на дне. Прутья тоже черные и жирные. И запах... Мастер Берг, там стоит жуткий, какой-то inferнальный запах! Я едва справился с приступом тошноты. Понимаете?»

Август не понимал. На сей раз он не понимал ровным счетом ничего, но кожей чувствовал то жуткое и inferнальное, о чем пытался поведать ему Леонид. Уж не породил ли он еще одно чудовище, создавая Свечную башню? Или чудовище

уже было там, а он просто не заметил?

«Я не мог задерживаться там ни секундой дольше, слишком тягостное впечатление произвело на меня это место. Мастер Берг, я хотел спросить вас! Только, пожалуйста, не смейтесь и не судите меня строго! Мне больше не к кому обратиться, не с кем обсудить происходящее...»

– Спрашивай, – сказал Август и потянулся за бутылкой с самогоном.

«Не возникало ли у вас ощущения, что некоторые строения обретают душу? Я понимаю, что вопрос лежит в сферах, далеких от научных, но мне очень важно получить на него ответ».

Еще как возникало! Его благословением или проклятьем было именно это умение вдохнуть жизнь в неживое. Но не в его силах было контролировать свое творение. Возможно, он мог почувствовать его темную душу, но понять не мог никогда.

«Я спрашиваю не из праздного любопытства, а оттого, что Свечная башня кажется мне живым существом. Или, вернее будет сказать, не живым, но разумным. Глупость и блажь, скажете вы, и я не стану возражать! Я сейчас обнажаю перед вами свою душу, мастер Берг. Возможно, душа моя тоже тронута той болезнью, что поражает всех в Горисветово. Но в отличие от остальных, у меня есть очень большое преимущество, у меня есть вы, мой учитель!»

В носу вдруг засвербело, а глаза зачесались. Август шмыгнул носом, устало потер глаза. Это самогон всему виной. Самогон и холод, который непременно сопровождает албасты даже в самый жаркий день.

«Это темное место, мастер Берг! Темное и страшное! Я не знаю, когда именно оно стало таким, но Свечная башня изменилась. Мы проектировали нечто удивительное и радостное, а получили нечто удивительное и страшное. И теперь я прошу у вас совета, учитель. Как мне быть? Мне кажется, все, кто живут в Горисветово, в большой опасности. Или происходящее – всего лишь порождение моего воспаленного ума? Как бы то ни было, а я намерен в ближайшее же время выяснить, что происходит! Всех благ! Ваш преданный ученик Л. Ступин».

Август отложил письмо, задумался. Сказать по правде, все, о чем написал парнишка, могло оказаться вовсе не плодом его воспаленного ума, а блажью графини Горисветовой. На своем веку Август навидался и не таких странностей. Но на своем веку он навидался и такого, чего никогда не пожелал бы ни одному человеку. Он бросил быстрый взгляд на албасты. Та была безмятежна, не обращала внимания ни на него, ни на играющую с кончиком ее косы кошку. Захотелось вдруг спросить, что она, вековая нежить, думает об услышанном. Но спрашивать Август не стал, знал, что албасты ничего не ответит. Он поежился от исходящего от нее холода и приложился к бутылке с самогоном. Исключительно, чтобы согреться...

* * *

Время шло. Черета унылых дней проходила перед мутным взором Августа. Август пил, в самогоне черпая силы и ища надежду. Он не стал отвечать Леониду. Да и что он мог ответить этому мальчику? Подтвердить его самые страшные догадки? Успокоить и тем самым отсрочить его неминуемое столкновение с тяготами настоящей жизни? Про то, что сам он собирался облегчить эти тяготы, Август уже и думать забыл.

Он пил. Здоровые мысли посещали его лишь ранним утром. Они приходили вместе с жутчайшим похмельем и головной болью, впивались в грудь острыми когтями, порождая одно единственное желание – снова напиться! Но Август позволял себе ровно час мучений и относительной трезвости. Это стало его правилом, позволяющим хоть на час почувствовать себя человеком.

Одним таким серым и мучительным утром Август взялся за перо и бумагу. Нет, он не сел писать письмо Леониду. Ему все еще нечего было сказать мальчику. Он сел писать письмо своему старому пермскому приятелю. Приятель промышлял частным сыском, а кроме того, время от времени выполнял для Августа кое-какие деликатные поручения. Приятеля звали Свирид Петрович Самохин, он имел крепкое тело и острый ум – все то, что так необходимо в сыском деле! Тем серым и мучительным утром Август обратился к Свириду Петровичу сразу с двумя просьбами. Только на то его сил и хватило. Письмо спустя два дня он передал востроглазому мальчишке, имя которого все никак не удосуживался запомнить. Мальчишка приплывал на остров три раза в неделю, привозил Августу корреспонденцию, еду и запасы самогона и был единственной связующей нитью между островом и Чернокаменском. Этот же мальчишка через

неделю привез Августу еще одно письмо от Леонида. Или скорее сказать, не письмо, а коротенькую записку.

«Все хорошо! Я осознал, как сильно ошибался!»

Вот так, безо всяких предисловий, начиналась эта записка.

«Я открылся Агнии Витольдовне! Как же мне стыдно и неловко за те мои детские подозрения! Только моя молодость и неопытность могут быть мне оправданием. Я все-все понимал превратно! Мучил себя, досаждал вам, учитель, своими детскими страхами. Все решилось. Нет, все решится в ближайшее время! Не знаю, прочли ли вы хоть одно из моих посланий, дорогой мастер Берг, но это письмо я пишу лишь затем, чтобы выразить вам свою безмерную признательность. Не было и нет в моей жизни человека более уважаемого, чем вы. И я не устану благодарить судьбу за то, что она подарила мне такого учителя! Спасибо! Навеки ваш, Л. Ступин».

Это было радостное, полное надежд и чаяний послание. Отчего же в таком случае Августу сделалось не по себе? Что задело заржавевшие струны в его душе? У парнишки все хорошо. Развеялся морок, на горизонте замаячили новые мечты. Что же не так? Отчего сердце сжимается и болит? Спросить бы у албасты. Вот только она не пришла. Даже приبلудная кошка куда-то подевалась. Может обе они устали от его пьянства и уныния?

Тем утром Август снова смалодушничал – напился смертельно пьяным. Он пил так еще пять или шесть дней. Сбился со счета, почти перестал выныривать на поверхность из мутных вод беспамятства.

В себя его привела колкая боль в груди. Август очнулся на твердом полу маяка, растерзанный и разбитый собственными пороками. На груди его сидела кошка, впивалась острыми когтями в кожу, тархтела, как паровой двигатель, смотрела прямо в глаза. Словно бы кошка что-то понимала в его жизни и в нем самом!

– Сгинь! – Август спихнул кошку на пол. На коже остались кровавые царапины от ее когтей. – Пошла отсюда! Убирайся!

Албасты не понравится то, как он обращается с ее любимицей, но ему плевать на албасты. Ему бы доползти до ведра с водой...

Ведро было пустым. По всему видать, запой его длился долго. По всему видать, придется выходить на божий свет. Выползай! Потому как держаться на ногах он сейчас не в силах. Ничего, он ползком, он не гордый!

Снаружи ярко светило солнце и Август, чтобы не ослепнуть от этой яркости, прикрыл глаза рукой. Он лежал на боку, подставив небритую щеку солнечным лучам, чувствуя свежий запах озерной воды, и размышлял о собственной ничтожности, о том, что если у него достанет сил доползти до озера, то ползти он будет все дальше и все глубже, до самого Нижнего мира. Пока не подохнет...

...В Нижний мир его не пустили. Августу хватило сил доползти до озера и хватило силы духа не останавливаться, когда в глотку вместо воздуха стала заливаться ледяная вода. Но его не пустили... В мерцающих водах озера самым краешком угасающего сознания он увидел слепых змей. Одна из них обвилась вокруг его шеи, сдавила и потянула. Август барахтался и отбивался, пытался разжать тугие змеиные кольца, пока серебряный мир сначала не потускнел, а потом и вовсе не исчез.

В себя он приходил с болью и мучениями, как после самого тяжелого похмелья. Вместе с кашлем из горла выливалась озерная вода, а щеку до крови царапала озерная галька.

- ...Ты там никому не нужен. - Послышался над головой мелодичный голос.

- Так же, как и ты, - прохрипел он.

- Тебе рано, старик.

- Мне поздно, нежить.

- Не тебе решать. - Она присела рядом, почти ласково провела ладонью по его редким, слипшимся от воды кудрям. От ладони веяло могильным холодом.

- А кому? - Август не стал открывать глаз, втянул голову в плечи, чтобы ускользнуть от этой смертельной ласки. - Тебе?

- И не мне.

– Тогда зачем спасала? – Все-таки он открыл глаза. Стало интересно, что она скажет.

– Я не спасала. – Холод исчез вместе с той, кто его породила. Албасты отошла от Августа, уселась на большом черном валуне, подтянув колени к подбородку. – Тебе еще рано, вот и все.

– Устал я, – пожаловался он и попытался сесть. Получилось не с первого раза, но он мог быть упрямым. – Отпусти ты меня, нежить, – сказал с мольбой в голосе.

– Я и не держу.

– А кто тогда меня из озера вытянул? Зачем я тебе? Поиграться?

Она ничего не ответила, даже не глянула в его сторону. Сейчас она как никогда была похожа на девчонку, обыкновенную земную девчонку. Живую и славную. Вот только ему ли не знать, что она уже давно неживая. Нежить...

– Ты еще не завершил свой путь, старик, – заговорила наконец албасты. – Рисунок твоей жизни не закончен.

– А ты видела? – спросил Август, мотая головой.

– Я знаю. Сколько бы ты не убивал себя, у тебя ничего не получится, пока ты не пройдешь свой путь до конца. Уйти не получится. – Албасты обернулась, посмотрела на него черными дырами глаз. Эти черные дыры на девичьем лице выглядели чудовищно страшно, напоминая, что разговаривает он сейчас не с живым человеком, а с чудовищем.

– Я не уйду. – Август и сам знал, что врет. То, что он пытался сделать, иначе, чем побегом, не назовешь. Он пытался сбежать из этой серой жизни, а жизнь его все никак не отпускала. – Мне просто нечего здесь больше делать, нежить.

– Ты просто боишься, старик.

– Тебя? – Август горько усмехнулся.

– Не меня и не за себя. Признай, что ты боишься за того мальчишку. Боишься, но тебе проще умереть самому, чем сделать хоть что-нибудь для другого.

– Они все мертвы, – сказал Август едва слышно. – Те, для кого я был готов жить, умерли. Я весьма опасный приятель, нежить.

– Они так не считали. Они любили тебя. Даже этот мальчишка тебя любил.

– Почему любил? – В голове словно ударили в набат. Август поморщился от боли, сжал виски руками. – Почему любил, а не любит?! – Его голос был слаб, он едва-едва заглушал раскаты в голове.

– Ты сам знаешь, почему. Ты предал его, старик.

Албасты соскользнула с валуна, чтобы через мгновение нависнуть над Августом страшной ненасытной тварью. От нее веяло озерной водой, холодом и смертью. Было великой ошибкой считать, что с подобным существом можно найти общий язык. Август закрыл глаза, приготовился умереть. Смерть от когтей албасты – это не самая великая кара. И пускай она многократно увеличит его страдания и удлинит дорогу в Нижний мир, он выдержит. Он выдержит все, что угодно, кроме правды.

– Живи! – Голос албасты звучал прямо у него в голове, заглушая набатный звон. – Живи с этим, старик, и мучайся!

– Как ты? – Спросил он, вглядываясь в черные дыры ее глаз.

– Как я, – сказала албасты и истаяла, словно ее и не было.

Август еще долго лежал на берегу озера, собирая себя по кусочкам, а потом встал на ноги и, пошатываясь, побрел к маяку. На столе поверх кипы бумаг лежало письмо. Август бросился к нему с почти юношеской резвостью. Албасты не права! Он никого не предавал, и все еще можно исправить!

Письмо было не от Леонида. Это старинный приятель Свирид Петрович Самохин решил отправить ему весточку. Дрожащими руками Август вскрыл конверт, развернул исписанный мелким, почти бисерным почерком лист бумаги. С волос

капала вода, и он испугался, что она размочит чернила, оттого бережно положил письмо на стол и принялся торопливо переодеваться в сухое. Переодевшись, он набросил на плечи старый плед, снова потянулся за письмом.

Свирид Петрович был человеком действия, оттого и послание его было лишено светских реверансов.

«Задачку вы мне задали прелюбопытнейшую, Август Адамович! Давненько я не получал такого удовольствия от работы!»

Вот и все реверансы, дальше шел самый настоящий полицейский доклад, но написанный с этакой претензией на литературность. Водился за Свиридом Петровичем такой грешок – в свободное от сыска время он пописывал эссе и рассказы в Пермский литературный журнал. Писал под псевдонимом, о тайном своем увлечении рассказывал только самым близким. Вот ему, Августу Бергу, рассказал по старой дружбе.

Из доклада следовало, что за работу Свирид Петрович взялся со всей ответственностью, принялся по крупицам, каплю за каплей, восстанавливать историю жизни Агнии Витольдовны Горисветовой. Для этого ему пришлось совершить путешествие из Перми в Екатеринбург. Именно из этого славного города привез свою молодую супругу граф Дмитрий Венедиктович Горисветов. Уже там, в Екатеринбурге, выяснились некоторые любопытные обстоятельства.

Граф Горисветов отправился в Екатеринбург с четкими матримониальными намерениями. К своим пятидесяти годам он сколотил неплохой капиталец, приумножив доставшееся от отца наследство. Во владении Дмитрия Венедиктовича числилось несколько довольно прибыльных рудников, доля в металлургическом заводе и много еще разного по мелочи. Поэтому женихом он был завидным, хоть и немолодым, и к выбору будущей супруги подходил с великой серьезностью. Девушка непременно должна была происходить из уважаемой семьи. Родословной Дмитрий Венедиктович уделял очень большое внимание. Куда большее, чем внешним данным претендентки. Вторым пунктом в списке требований шло крепкое здоровье избранницы. Графу непременно хотелось наследника.

Девушек, соответствующих этим требованиям, в Екатеринбурге нашлось немало, но свой выбор Дмитрий Венедиктович остановил на Алевтине Тихоновне,

единственной дочери помещика Муркина. Сам помещик помер несколько лет назад, но наследство дочери оставил весьма достойное. Дмитрий Венедиктович уже прикидывал, как сможет развернуться, объединив капиталы. Сама же Алевтина Тихоновна шла к приданому вполне сносным довеском. Она была уже немолода, разменяла двадцать пятый год, но телосложение имела крепкое, бедра крутые, а румянец яркий. За Алевтиной Тихоновной присматривала вдовая тетка. Тетка Дмитрию Венедиктовичу понравилась куда меньше. В людях он разбирался хорошо и в будущей родственнице учуял этакую едва различимую гнильцу. С другой стороны, обременительные родственные связи можно было обрезать вскоре после свадьбы. По части отрезания ненужных связей граф Горисветов был большим специалистом, потому и добился того, что в окружении его были люди исключительно полезные. Никаких захребетников! Никаких бедных родственников! По его твердому убеждению, каждый человек должен был нести определенную функцию. Даже в семье. Особенно в семье! Вот он обязуется семью обеспечивать всем самым необходимым. Транжирства и свойственного многим современным дамам мотовства он в своем доме не потерпит, но и нуждаться будущая графиня Горисветова ни в чем не будет. Однако ж и от нее потребуются многое. Разумное и рачительное ведение хозяйства, воспитание детей в любви и уважении к родителю. Что касалось интимных моментов семейной жизни, тут Дмитрий Венедиктович считал себя почти аскетом. Все плотские радости он познал еще в далекой юности. Познал и даже успел пресытиться, а потому на некоторые изъяны во внешности будущей супруги смотрел снисходительно. Мнения самой Алевтины Тихоновны он, разумеется, не спрашивал, разумно рассудив, что сватовство такого человека, как он – уже редкий подарок для девицы.

Сделка – а будущую женитьбу, он считал ничем иным, как весьма удачной сделкой! – сорвалась в самый последний момент. Накануне помолвки Дмитрий Венедиктович повстречался со своей судьбой. Девица была так хороша, что от ее красоты у считавшего себя знатным ловеласом графа сперло дыхание. Ее удивительную красоту лишь подчеркивало скромное платье. Черный волос, черные глаза, белоснежная кожа и осиная талия. И взгляд... Еще никогда женский взгляд его так не обжигал. Девицу звали Агнией, тетка Алевтины Тихоновны представила ее с явной неохотой, за спиной снисходительно обозвав несчастной приживалкой. Было очевидно, что внезапному появлению Агни в поле зрения Дмитрия Венедиктовича она не рада. Как и ее дражайшая племянница. Случившемуся был рад, кажется, только сам Дмитрий Венедиктович. Взяв из рук прекрасной Агни чашку чаю и сделав лишь несколько глотков, он принял окончательное решение. Там же, за столом, он сделал предложение, но не Алевтине Тихоновне, а скромной приживалке Агни.

Он не предлагал ничего эдакого – лишь плохо завуалированное витиеватыми фразами содержание. Сказать по правде, содержание куда более щедрое, чем он планировал выделить будущей супруге.

Разразился страшный скандал с обмороками и криками, угрозами и битьем посуды. Алевтина Тихоновна закатывала глаза, требовала нюхательные соли, а ее тетушка сыпала проклятьями в сторону скромно стоящей у стеночки Агнии и грозились вывести ее на чистую воду в глазах не только графа, но и общества.

Из дома Агнию выгнали в тот же день. От робкой попытки Дмитрия Венедиктовича обеспечить ее «хотя бы на первое время» она с негодованием отказалась. Сказала, что ни за что не променяет честное имя на сомнительную славу содержанки и так на него посмотрела, что его давно зачерствевшее сердце вдруг пустилось в лихой галоп. Последующие недели он чувствовал себя молодым и влюбленным, часами простаивал под окнами скромной квартирки Агнии, слал цветы и подарки. Сначала простенькие, но с каждым днем все дороже и дороже. От подарков и разговоров Агния неизменно отказывалась, но смотрела на Дмитрия Венедиктовича так, что становилось тяжело дышать. Он понял, что если не заполучит эту удивительную женщину в свое безраздельное пользование, то сойдет с ума. Выход оставался один, и граф Горисветов решился. Его предложение руки и сердца было по-мальчишески пылким, он даже встал на одно колено, когда протягивал Агнии колечко с самым настоящим бриллиантом.

Колечко и предложение она приняла не сразу, долго смотрела на коленопреклоненного Дмитрия Венедиктовича, словно бы о чем-то размышляя, а потом улыбнулась такой улыбкой, от которой у него занялось сердце. То ли болью, то ли радостью, он не разобрал.

В Горисветово они с Агнией уехали через несколько дней. Уехали бы раньше, если бы не трагические обстоятельства, заставившие их задержаться в Екатеринбурге. Впрочем, сам Дмитрий Венедиктовичи обстоятельства считал скорее досадными, чем трагическими, оттого и злился безмерно.

В доме его несостоявшейся невесты Алевтины Тихоновны случился пожар. Огонь занялся глубокой ночью и застал хозяев врасплох. К утру обгоревший остов дома рухнул, погребя под своими обломками и Алевтину Тихоновну, и ее вдовую тетушку, и прислугу. О случившемся можно было бы забыть почти сразу. Дмитрию Венедиктовичу не было никакого дела до этих несчастных. Вещи были

собраны, билеты куплены. Но пришлось задержаться.

Когда они с Агнией уже стояли на крыльце гостиницы, появились полицейские во главе с неказистым, плюгавеньким каким-то сыщиком. Сыщик представился, но Дмитрий Венедиктович не озаботился тем, чтобы запомнить его имя. В тот момент заботила его лишь смертельно побледневшая Агния, которую сыщик вполне галантно пригласил в полицейский участок для беседы. Она бросила беспомощный взгляд на Дмитрия Венедиктовича, и тот впервые со времени их знакомства почувствовал себя настоящим мужчиной, рыцарем и защитником. На сыщика он набросился коршуном, пустил в ход и собственный титул, и угрозы. Ни то, ни другое действия не возымело, но Дмитрий Венедиктович не собирался сдаваться, бережно поддерживая Агнию под локоток, он отправился вместе с ней в полицейский участок.

Уже в участке выяснилось, что кто-то из соседей Алевтины Тихоновны поведал о случившемся недавно скандале. А еще кто-то клялся и божился, что видел Агнию в ночь пожара на месте преступления. Почему преступления? А потому, что у следствия имелись некие доказательства умышленного поджога. Разумеется, все сказанное было дичью и полнейшей чушью! Дмитрий Венедиктович так и сообщил явившемуся на беседу начальнику участка. Он держался твердо и решительно, он был готов на все, чтобы защитить любимую женщину. И он защитил! Уж, как умел...

Доверительным шепотом, косясь на замершего у двери пристава, Дмитрий Венедиктович сообщил начальнику участка, что у Агнии есть алиби, которое камня на камне не оставит от гнусного обвинения, но вопрос деликатный и может навредить репутации невинной девицы. Начальник участка оказался человеком понимающим и разумным. Его нисколько не смутило сообщение, что всю минувшую ночь Агния провела с графом Горисветовым. Невеста, почти супруга... Какой уж тут удар по репутации – дело житейское! Дмитрий Венедиктович не знал, что сильнее повлияло на представителя закона: его ораторский талант или пухлая пачка денег, которую указанный представитель закона принял, почти не таясь. Как бы то ни было, а ровно через час с Агнии были сняты все обвинения.

Дмитрий Венедиктович опасался, что в попытке защитить даму сердца зашел слишком далеко, и приготовился к самому худшему. Он даже заготовил речь, которую вознамерился произнести, когда они останутся наедине. С виноватым видом он помог Агнии забраться в карету, уселся напротив и приготовился

каяться. Но Агния ни в чем не стала его винить, с тихим вздохом она упала к нему на грудь, прижалась всем своим юным телом, от чего Дмитрия Венедиктовича тут же бросило в жар. Давненько он не чувствовал ничего подобного! Сказать по правде, никогда в жизни не чувствовал такой ослепляющей страсти, какую вызывала в нем эта удивительная женщина. Агния отстранилась в тот самый момент, когда Дмитрий Венедиктович уже решился ее поцеловать, и к мучительному жару добавилось чувство стыда за собственную несдержанность. Он сполз на грязный пол кареты и уткнулся покрывшимся испариной лбом прямо в колени Агнии. И не было для него большей радости и большей ласки, чем легкие касания ледяных пальчиков и острых ноготков. Агния гладила его медленно и задумчиво, словно он был не графом Горисветовым, а левреткой, беззаветно преданной своей хозяйке.

Август понимал, что большая часть из написанного в письме была всего лишь художественным допущением Свирида Петровича, но и собственное живое воображение рисовало именно такие картинки. Он знать не знал графа Горисветова, но представлял, как могла повести себя Агния в сложившихся обстоятельствах. А еще он вполне допускал, что пожар, унесший не одну невинную жизнь, был делом ее рук. Та Агния, которую он знал, была способна на многое. Человеческие жизни не значили для нее ровным счетом ничего, она мыслила совершенно иными категориями и почему-то была уверена, что Август непременно поддержит ее в этом сумасшествии. Или то было не сумасшествие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.me/ru/tatyana-korsakova/svetochi-t-my>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)